

Московский государственный
юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования

Издательство
НОРМА

Глава 2

КОРПОРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СИСТЕМА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

§ 1. Теории юридического лица

В современном российском гражданском праве, которое находится в процессе масштабного реформирования на основании Указа Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым была разработана и одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее — Концепция), особую актуальность приобретают вопросы систематизации отдельных гражданско-правовых институтов. Их исследование позволяет объективно оценить тенденции совершенствования не только основ гражданского законодательства, но и всей системы гражданского права в целом. Существенные изменения ГК РФ и иных федеральных законов в данной отрасли права демонстрируют концептуально иной подход доктрины правоприменительной практики и, как следствие, законодателя к основным положениям о субъектах гражданских правоотношений и, в частности, о юридических лицах.

Особенности корпоративных отношений обуславливаются организационно-правовой формой корпоративной организации и в целом сущностью самого юридического лица. Иными словами, чтобы выявить сущность и содержание корпоративных отношений, необходимо обратиться к сущностным особенностям юридического лица конкретной организационно-правовой формы, а также к самому понятию юридического лица.

Вопрос о сущности юридического лица остается дискуссионным на протяжении довольно продолжительного времени. Доктриной по данному вопросу выработано множество теорий. Основные из них берут свое начало в немецкой правовой доктрине XIX в.

В рамках настоящей работы следует ограничиться лишь краткой систематизацией основных подходов к определению сущности юри-

дического лица, которые не утратили своего значения в настоящее время.

Начало теоретической разработки понятия юридического лица связывают с именем Ф. К. Савиньи, до которого, по выражению Л. Л. Гервагена, «наука брала понятие юридического лица из римского права и положительных законодательств как нечто готовое, не относясь критически к взгляду римских юристов по этому вопросу»¹.

В отечественной литературе начиная с XIX в. предпринимались попытки систематизации существующих теорий юридических лиц, наиболее известная из которых принадлежит Л. Л. Гервагену — она была опубликована им в работе «Развитие учения о юридическом лице» в 1888 г.

В соответствии с данным подходом выделены четыре группы теорий:

- 1) теории, признающие юридическое лицо искусственным образованием (теории фикции);
- 2) теории, признающие субъектом права понятие, цель и др.;
- 3) теории, признающие реальность юридического лица (теории реальности);
- 4) теории, признающие необходимость в отыскании действительных субъектов, стоящих за юридическим лицом и выступающих действительными субъектами прав юридического лица.

Классификация Л. Л. Гервагена в настоящее время сохраняет свою актуальность, существующие теории юридических лиц могут быть отнесены к одной из четырех групп. Она становится основой и для современных классификаций, приводимых Н. В. Козловой², в частности, в работе, которая является одной из немногих современных отечественных книг, посвященных понятию и сущности юридического лица.

Помимо названных достоинств проведенной классификации, нельзя не отметить и ее основной недостаток — отсутствие единого классификационного критерия.

Существующие в настоящее время теории, объясняющие сущность юридического лица, в той или иной степени сгруппированы вокруг основополагающего вопроса: является ли юридическое лицо реально существующим субъектом права или это фикция?

¹ Герваген Л. Л. Развитие учения о юридическом лице. СПб., 1888. С. 2.

² См.: Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. М., 2003. С. 108.

В зависимости от этого все теории юридических лиц могут быть разделены на две основные группы:

- 1) теории фикции;
- 2) теории реальности юридического лица.

В особые группы теорий необходимо отнести подходы, которые, во-первых, имеют цель выявить лиц, являющихся действительными субъектами прав юридического лица (теории «снятия покровов», «прокалывания корпоративной вуали», теории «субстрата» юридического лица), а во-вторых, рассматривают юридическое лицо как персонифицированное имущество.

Родоначальником теорий, признающих юридическое лицо искусственным образованием (теорий фикции), принято считать папу римского Иннокентия IV, который в 1245 г. применительно к корпорациям сформулировал основные постулаты этой теории: корпорации существуют лишь в понятии, корпорация не имеет собственной воли, а действовать от ее имени могут ее члены, а не сама корпорация.

Еще одним логически вытекающим из изложенных представлений постулатом теории фикции, впоследствии пересмотренным, было представление о том, что корпорации не могут совершать деликты (*impossibile est, quod universitas delinquat*)¹. Между тем современным правопорядком известны механизмы привлечения юридического лица не только к гражданско-правовой, но и к уголовной ответственности².

С позиции представления о юридическом лице как фикции рассматривался вопрос о моменте, с которого юридическое лицо становится субъектом права. Было выработано два подхода. Одни ученые отмечали, что юридическое лицо создается государством, значит, решающей волей при создании юридического лица выступает воля публичного образования. Именно с этих позиций обосновывалась концессионная (разрешительная) система учреждения юридических лиц. Другие авторы полагали, что для возникновения юридического лица акт государственной регистрации необходим, но он завершает весь процесс учреждения, государство как бы примиряется с существованием юридического лица, отказывает в регистрации только при допущенных при создании лица нарушениях закона³.

¹ См.: Герваген Л. Л. Указ. соч. С. 19–21.

² См., например: Никифоров А. С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. М., 2003. С. 47 и след.

³ Подробнее см.: Козлова Н. В. Юридическое лицо с точки зрения закона и правовой науки // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2002. № 5. С. 34–35.

К теории фикции следует отнести и представление о юридическом лице как об особом приеме юридической техники, необходимом для облегчения участия в гражданских правоотношениях объединений лиц, которое до революции было развито в трудах исследователя римского частного права В. Б. Ельяшевича¹, а в настоящее время поддерживается Б. И. Пугинским (теория правового средства)².

Профессор Пугинский отмечает, что юридическое лицо является признаком некоего сообщества или организации, а наделение данным признаком означает допуск к самостоятельному участию этого сообщества или организации в гражданско-правовых отношениях.

Такое представление нуждается в некотором уточнении, поскольку оно не может объяснить существование компаний одного лица, допускаемого многими современными законодательствами.

Само по себе существование компаний одного лица является подтверждением того, что теория фикции в настоящее время имеет практическое значение.

Подход, в соответствии с которым правосубъектность юридического лица возникает с момента его регистрации в установленном порядке, также основан на теории фикции. Противоположный подход предполагает наделение пока еще не полностью правосубъектного образования — юридического лица до момента его государственной регистрации — отдельными правами.

Нельзя не отметить, что при всех положительных моментах теория фикции имеет весьма существенный недостаток: она не способна объяснить существование у юридического лица правосубъектности, того, что юридическое лицо самостоятельно несет ответственность и самостоятельно выступает в гражданском обороте от собственного имени, обладает собственными имущественными и личными неимущественными правами, на что обращал внимание еще до революции В. И. Синайский³.

Кроме этого, теории фикции не объясняют сущность корпоративных отношений, возникающих у организаций, построенных на принципе членства.

В противовес теориям фикции примерно в это же время начали разрабатываться теории, признающие юридическое лицо реально существующим субъектом права.

¹ См.: *Ельяшевич В. Б.* Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. СПб., 1910. С. 329—332, 449—454.

² См.: *Пугинский Б. И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 162.

³ См.: *Синайский В. И.* Русское гражданское право (по изданию 1917 г.) М., 2002. С. 113—114, 119—122.

В рамках данных теорий наметилось два основных подхода: органическая теория и теория социальной реальности.

Первая теория развивалась в немецкой цивилистике 30—90-х гг. XIX столетия. В основу объяснения сущности юридического лица сторонники данной теории ставили представление о юридическом лице как социальном организме.

Вторая теория получила гораздо большее признание как в немецкой правовой доктрине, так и у дореволюционных отечественных ученых: Д. И. Мейера¹, Н. С. Суворова², И. А. Покровского³, В. И. Синайского⁴ и др. Ее суть заключается в представлении о юридическом лице как реально существующем субъекте права, которое в отличие от физического лица — «телесного» лица — является лицом «бестелесным». А для такого реально существующего юридического лица свойственно специфическое внутреннее устройство, характеризующееся особым рода отношениями, складывающимися между его участниками. Но, к сожалению, не многие исследователи в рамках данных теорий уделяли должное внимание этому аспекту.

Логическим следствием представления о юридическом лице как реально существующем субъекте права являлось воззрение о том, что юридическое лицо имеет собственные (не производные от учредителей или участников) правоспособность и дееспособность, может обладать как имущественными, так и личными неимущественными правами и осуществлять их от своего имени.

Одна из теорий реальности — теория, разработанная О. А. Красавчиковым (теория социальных связей), обращала внимание на то, что в рамках юридического лица возникают разного рода социальные отношения и социальные связи. Именно социальные связи, существующие между участниками юридического лица, по мнению ученого, и являются тем главным, что отражает сущность юридического лица⁵.

¹ См.: Мейер Д. И. Русское гражданское право. Т. 1. С. 120—121; *Он же*. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях (по изданию 1854 г.) // Мейер Д. И. Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003. С. 86—87.

² См.: Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву (по изданию 1900 г.). М., 2000. С. 182—183.

³ См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2009. С. 157—158.

⁴ См.: Синайский В. И. Указ. соч. С. 113—114.

⁵ См.: Красавчиков О. А. Сущность юридического лица // Советское государство и право. 1976. № 1. С. 50—55; Советское гражданское право. Т. 1 / под ред. О. А. Красавчикова. М., 1972. С. 118 (автор главы — О. А. Красавчиков); Советское гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. О. А. Красавчикова. М., 1979. С. 143 (автор главы — О. А. Красавчиков).

Тем самым профессор Красавчиков отмечает роль и значение корпоративных отношений, существующих в корпоративных организациях.

Подход, развиваемый О. А. Красавчиковым, явился фундаментом для дальнейших теоретических разработок теории корпоративных отношений. Между тем сводить сущность юридического лица исключительно к набору социальных связей, складывающихся в нем, означает обеднить представление о сущностных характеристиках юридического лица как самостоятельного субъекта гражданского права.

В особую группу теорий о сущности юридического лица могут быть отнесены теории, имеющие своей целью выявление действительных лиц, стоящих за юридическим лицом («субстрата»). Данные лица рассматриваются в качестве действительных субъектов прав юридического лица, выражающих его волю и его интересы (далее в работе эти теории будут схематично названы теориями «субстрата»). Первоначально теории «субстрата» развивались в рамках теорий фикции, в настоящее время, как представляется, эта связь теорий утратилась.

Еще Н. М. Коркунов отмечал, что интерес юридического лица рассматривается законодательством как интерес определенной группы лиц, его составляющих, и называл этот прием техническим¹. Участники юридического лица рассматривались как коллективные собственники его имущества Ю. С. Гамбаровым, который также придерживался теории фикции². Таким образом, подчеркивалось, что юридическое лицо как субъект права не имеет самостоятельного значения.

Необходимо выделить четыре основные теории «субстрата», развиваемые в отечественной литературе.

1. Теория коллектива. Одним из основоположников данной теории являлся академик А. В. Венедиктов, предлагавший определять юридическое лицо (государственный хозяйственный орган, с учетом исторических реалий того времени) как организованный коллектив рабочих и служащих во главе с ответственным руководителем³.

Основой для такого понимания юридического лица в отечественной цивилистике можно назвать то отмеченное ранее Е. А. Флейшиц обстоятельство, что решающим фактором для обращения клиента к

¹ См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1914. С. 148.

² См.: Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 458—459.

³ См.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., 1948. С. 656—657.

определенному юридическому лицу является не сам предприниматель (его вывеска), а предприятие, персонал которого вступает в общение с клиентами¹.

Теория коллектива получила большое распространение в советской цивилистике, к числу ее сторонников можно отнести С. Н. Братуся², О. С. Иоффе³, В. П. Мозолина⁴ и многих других.

2. Теория администрации. Суть данной теории сводится к тому, что в качестве реальных субъектов прав юридического лица рассматриваются его управляющие (руководители). Одним из последовательных сторонников данного подхода являлся Н. Г. Александров⁵.

3. Теория директора. Данная теория была разработана академиком Ю. К. Толстым⁶. Она во многом конкретизирует теорию администрации, поскольку носителем правосубъектности юридического лица признаются не управленцы юридического лица, а руководитель — исполнительный орган. При этом отмечается, что собственник государственного имущества — социалистическое государство стоит за директором юридического лица⁷.

4. Теория государства. Данная теория была разработана А. С. Аскназием⁸. В условиях социалистической экономики и признания государства единственным собственником социалистического имущества данная теория позволяла объяснить связь, образующуюся между государством и выражающими государственные интересы юридическими лицами. Государство в соответствии с таким подходом признавалось выразителем воли государственного юридического лица и исключительным субъектом прав этого юридического лица.

¹ См.: Флейшиц Е. А. Торгово-промышленное предприятие в праве западноевропейском и РСФСР. Л., 1924. С. 11.

² См.: Братусь С. Н. Некоторые вопросы учения о субъектах права // Советское государство и право. 1949. № 11. С. 78; Он же. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 47.

³ См.: Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 66—67; Он же. Развитие цивилистической мысли в СССР (Часть 1) // Иоффе О. С. Гражданское право: избр. тр. М., 2000. С. 313—314.

⁴ См.: Мозолин В. П. Формирование гражданского права развитого социализма // XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. М., 1982. С. 12—13.

⁵ См.: Александров Н. Г. Законность и правоотношения в социалистическом обществе. М., 1955. С. 154.

⁶ См.: Толстой Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. Л., 1955. С. 88.

⁷ Там же.

⁸ См.: Аскназий А. С. Об основаниях правовых отношений между государственными социалистическими организациями // Учен. зап. Ленинградского юридического института. Л., 1947. Вып. IV.

В настоящее время данная концепция не утратила своего значения для объяснения сущности государственных и муниципальных унитарных предприятий, государственных учреждений и др. Хотя феномен юридического лица не является безразличным для государства, поскольку оно в конечном счете заинтересовано в существовании нормально функционирующих юридических лиц, выполняющих определенные социальные функции и задачи, это не означает, что государство становится «субстратом» юридических лиц, субъектом, который на самом деле стоит за ними. Иными словами, выявление связей между интересами государства и интересами конкретного юридического лица в условиях рыночной экономики не имеет серьезного практического и теоретического значения для объяснения сущности юридического лица.

Анализ рациональных начал, которые имеются в каждой из теорий «субстрата» юридического лица, позволил В. П. Грибанову выдвинуть «примирительную» теорию «субстрата», под которым он понимал государство, выражающее волю народа, администрацию предприятия во главе с ответственным руководителем и весь коллектив рабочих и служащих¹.

Выработанная профессором Грибановым концепция в настоящее время сохранила свою актуальность, хотя и нуждается в некотором уточнении: относительно рассмотрения государства как «субстрата» юридического лица могут быть высказаны все приводимые выше замечания.

Необходимо отметить, что теории «субстрата» внесли существенный вклад в развитие общего учения о юридическом лице. Авторы этих теорий акцентировали внимание на роли лиц, «стоящих» за юридическим лицом, механизме формирования воли этого юридического лица, круге лиц, которые могут быть привлечены к ответственности за убытки, причиненные юридическим лицом (например, при причинении убытков в результате выполнения обязательных для организации указаний) или работниками юридического лица².

В свою очередь данная теория обогащается за счет установления в законодательстве механизмов привлечения к управлению юридическим лицом его работников, на что в качестве тенденции развития корпоративного законодательства обращал внимание М. И. Кулагин³.

¹ См.: Грибанов В. П. Юридические лица. М., 1961. С. 4—6 и след.

² См.: Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. С. 64, 73—75; Матвеев Г. К. Психологический аспект вины советских юридических лиц // Советское государство и право. 1978. № 8. С. 43.

³ См.: Кулагин М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо // Кулагин М. И. Избр. тр. М., 1997. С. 112—113.

Первоначально характерный в основном для крупных организаций горнодобывающей и тяжелой промышленности механизм образования органов управления из числа работников организации стал применяться и в других областях. Так, Закон Норвегии об акционерных обществах 1976 г. предусматривает создание в обществах, имеющих более 200 работников, корпоративного собрания, наделенного определенными контрольными и исполнительными функциями¹. Регламент ЕС № 2157/2001 об Уставе европейской компании и Директива № 2001/86/ЕС рекомендуют привлекать к управлению европейскими компаниями представителей трудового коллектива².

При этом наличие у организации такой особенности, как привлечение в ней к управлению работников, не предполагает создание особой организационно-правовой формы. Поэтому принятый в Российской Федерации Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» может быть назван примером непоследовательности в осуществлении данной идеи³.

Привлечение к управлению корпоративной организацией не только ее участников, но и работников означает по существу расширение круга участников корпоративных отношений.

Механизм привлечения работников к решению отдельных вопросов, в частности связанных с несостоятельностью (банкротством) юридического лица, известен российскому законодателю (п. 1 ст. 12 и ст. 35 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»). Вместе с тем это осуществляется только на стадии несостоятельности, т. е. когда неблагоприятные последствия уже проявились, а роль представителей трудового коллектива при этом является во многом формальной.

Формой допущения работников к управлению юридическим лицом и участия их в корпоративных отношениях может быть установление требований о создании в организациях, занимающихся определенными видами деятельности, имеющих определенную величину

¹ Подробнее см.: *Козлова Н. В.* Компании с ограниченной ответственностью по законодательству Норвегии // *Иностранное право: сб. науч. ст. и сообщений.* М., 2002. С. 19—20.

² Подробнее об этом см.: *Асосков А. В.* Устав европейской компании: новый этап развития права Европейского Союза // *Законодательство.* 2002. № 8. С. 62—74.

³ Е. А. Сухановым высказана точка зрения о том, что акционерное общество работников является смешанной организационно-правовой формой, имеющей черты акционерного общества и производственного кооператива. См. об этом: *Гражданское право: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов.* М., 2004. Т. 1. С. 302 (автор главы — Е. А. Суханов).

активов, социальную значимость или число работников свыше установленной величины, специального органа юридического лица, формируемого из числа работников, либо о включении представителей работников в состав имеющихся органов управления.

Признание юридического лица самостоятельным субъектом гражданского права, обладающим собственным имуществом, обособленным от имущества его учредителей (участников), привело к возникновению особой теории юридического лица, в соответствии с которой то самое обособленное имущество рассматривается в качестве основной сущностной черты юридического лица, — теории персонифицированного имущества.

Концепция, в соответствии с которой сущностью юридического лица признается обособленное имущество, зародилась также на основе представлений о том, что субъективные права могут существовать и без субъекта этих прав. В качестве примера такой ситуации приводилось лежачее наследство.

Одним из основоположников данного подхода называют Б. Виндшейда¹. В отечественной правовой доктрине дореволюционного времени теория персонифицированного имущества не получила широкой разработки.

Из числа современных ученых теории персонифицированного имущества придерживается Е. А. Суханов, который полагает, что сущность юридического лица — это обособленное персонифицированное имущество², применение конструкции юридического лица «связано с обособлением определенного имущества с целью ограничения имущественной ответственности (то есть уменьшения риска участия в гражданском обороте) для его учредителей (участников)»³. Наконец, подчеркивается, что за имуществом юридического лица закон признает свойства субъекта права, и это отвечает потребностям имущественного оборота⁴.

Сторонники теории персонифицированного имущества признают в качестве определяющего признака юридического лица его имуществ-

¹ См.: *Герваген Л. Л.* Указ. соч. С. 45—47.

² См.: *Суханов Е. А.* Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (комментарий статей 11—17 главы 2 «Субъекты гражданских прав») // *Хозяйство и право.* 1991. № 12. С. 3—4; *Он же.* Правовые формы предпринимательства. М., 1993. С. 14—17.

³ *Гражданское право: в 4 т./ отв. ред. Е. А. Суханов.* Т. 1 С. 212 (автор главы — Е. А. Суханов).

⁴ См.: *Суханов Е. А.* Проблемы развития законодательства о коммерческих организациях // *Хозяйство и право.* 2002. № 5.

венную самостоятельность, выступают за установление в законодательстве повышенных требований к формированию уставного капитала юридических лиц: увеличение его минимального размера и ограничение возможности внесения в уставный капитал при учреждении юридического лица неденежного вклада.

Противоположная позиция получила распространение в годы начала перехода к рыночным отношениям, когда в соответствии с Законом СССР от 26 мая 1988 г. «О кооперации в СССР»¹ допускалось образование производственных кооперативов без установления обязательных требований о наличии первоначального капитала, что повышало риски контрагентов таких юридических лиц, связанные с невозможностью привлечь производственный кооператив, у которого отсутствует собственное имущество, либо его участников к ответственности по обязательствам перед контрагентами.

Трудно согласиться с тем, что установление таких повышенных требований к уставному капиталу само по себе снимает проблемы необходимости обеспечения гарантий имущественных интересов контрагентов. Во-первых, уставный капитал может быть несопоставимо мал по сравнению с долгами юридического лица. При заключении договора с юридическим лицом его контрагент может не обладать достоверной информацией о фактическом финансовом положении этого лица. Во-вторых, денежные средства, вносимые в оплату уставного капитала, не исключены из оборота, юридическое лицо может ими распорядиться уже в день их внесения.

Признак имущественной обособленности называется основным признаком юридического лица². Он позволяет обеспечивать гарантии кредиторов такого юридического лица, ограничить возможность злоупотребления со стороны учредителей (участников) такого юридического лица, которые могли бы использовать конструкцию юридического лица с целью ухода от ответственности.

Но данный признак не является единственным. Как справедливо отмечал в свое время А. А. Собчак, обладание имуществом — это следствие гражданской правосубъектности, нельзя обладать субъективным гражданским вещным правом, не являясь при этом субъектом гражданского права³.

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

² См.: Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. С. 140, 143; Флейшиц Е. А. Рецензия на книгу С. Н. Братуся «Юридические лица в советском гражданском праве» // Социалистическая законность. 1948. № 2. С. 29.

³ См.: Собчак А. А. Внутрипроизводственный хозрасчет в промышленности. Правовые вопросы. М., 1972. С. 33.

При рассмотрении сущности юридического лица с учетом всего многообразия существующих теорий неправильно было бы акцентировать внимание на каком-то одном аспекте, в частности на необходимости обособления определенного имущества и закрепления его за юридическим лицом, придавая ему определяющее значение. Очень важно рассматривать все имеющиеся сущностные характеристики юридического лица в их системе, в том числе наличие или отсутствие у юридического лица членства, как предпосылку существования особого рода отношений, складывающихся в связи с участием в этой организации и управлением ею, — корпоративных отношений с учетом их особенностей и многообразия.

В проекте федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предлагается внести изменения в существующую систему юридических лиц, построить ее с использованием неприменявшихся ранее классификационных критериев.

§ 2. Подходы к систематизации юридических лиц

Говоря о системе юридических лиц, следует определить содержание данного понятия. С этой целью обратимся к определению понятия «система», под которым понимается «порядок расположения частей целого...»¹, «структура, представляющая собой единство закономерно расположенных и функционирующих частей», «совокупность положений, подчиняющихся определенным принципам (книж.)»². Применительно к теме настоящей работы систему юридических лиц следует определить как совокупность субъектов гражданских правоотношений (юридических лиц), объединенную на основании общих, т. е. присущих всем субъектам данного объединения, признаков и предусматривающую дифференциацию в правовом положении (статусе) включенных в систему субъектов на основании определенных критериев (принципов).

С учетом изложенного в предмет настоящего исследования следует включить определение основных характеристик системы юридических лиц согласно действующему гражданскому законодательству, выявление тенденций сложившейся системы согласно Концепции развития гражданского законодательства и разработанных в соответствии с ней изменений в ГК РФ, оценку таких изменений с позиции

¹ Даль В. И. Толковый словарь: в 4 т. М., 1978.

² Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2000.

усовершенствования основных положений гражданского законодательства о юридических лицах.

Прежде чем остановиться на проблемах классификации юридических лиц по действующему российскому законодательству, как представляется, необходимо рассмотреть «крайние» позиции, подвергающие критике саму концепцию юридического лица.

1. «Юридическое лицо» или альтернативная конструкция.

В советской юридической литературе в свое время поднимался вопрос о необходимости отказа от конструкции юридического лица, замене его конструкциями «хозяйственный орган», «субъект хозяйственного права», «орган хозяйственного руководства»¹. Указанное было обусловлено особенностями советской системы хозяйствования (административно-командной системой).

Тем не менее данная концепция не набрала нужного научного веса, достаточного для внесения соответствующих изменений в законодательство, и конструкция юридического лица была сохранена.

В настоящее время наиболее полно теория хозяйствующего субъекта отражена в работах академика В. В. Лаптева, который констатирует недостаточность термина «юридическое лицо» для обозначения всего своеобразия объединений, имеющих в предпринимательской деятельности, и противопоставляет две конструкции: «юридическое лицо» и «предприятие». «Юридическое лицо, — пишет он, — это участник отношений, регулируемых гражданским законодательством, отношений по горизонтали. Однако предприятие участвует в отношениях как по горизонтали, так и по вертикали, т. е. в отношениях, складывающихся не только при осуществлении, но и при организации их производственно-хозяйственной деятельности»².

По существу, данная позиция ничем не отличается от изложенной в советское время и коренится в обосновании самостоятельности хозяйственного (предпринимательского) права как отрасли права, противопоставлении его праву гражданскому как праву частному. Самостоятельность предпринимательского права, по мнению таких ученых, предопределяет и самостоятельный субъектный состав. Не переходя к дискуссии относительно обоснованности подобного подхода, необходимо обратить внимание на то, что концепция «хозяйст-

¹ См.: *Лаптев В. В.* Предмет и система хозяйственного права. М., 1969. С. 50—52; *Он же.* Субъекты хозяйственного права // Советское государство и право. 1975. № 4. С. 80.

² *Лаптев В. В.* Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. М., 2010.

вующего субъекта» нашла отражение не только в теории, но и в законодательстве отдельных государств постсоветского пространства.

Хозяйственный кодекс Украины (далее — ХК Украины), принятый в 2003 г., вводит понятие «субъект хозяйствования», которое по своему объему шире, чем понятие «юридическое лицо», закрепленное в ГК Украины. Такое расширение происходит за счет отнесения к числу субъектов хозяйствования индивидуальных предпринимателей, филиалов, представительств и иных обособленных подразделений «хозяйственных организаций». При этом вовсе отказаться от термина «юридическое лицо» законодательство не смогло, он используется, в частности, в самом ХК Украины.

Следовательно, в украинском законодательстве мы имеем дело не с изменением концепции юридического лица, а с новой конструкцией, жизнеспособность и практическую значимость которой предстоит оценить на практике. Пока же невозможно не констатировать того, что появление конструкции «субъект хозяйствования» привело к излишнему дублированию понятий в украинских законах (в частности, понятие «хозяйственное общество» содержится как в ГК, так и в ХК Украины, но с разным содержанием) и, как представляется, не дало качественно нового решения.

Кроме этого, нельзя не отметить отсутствие особого режима субъекта хозяйствования, отличного от режима юридического лица или индивидуального предпринимателя. Правосубъектность данных лиц возникает и прекращается по общим основаниям, установленным законом для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Иными словами, обладание юридическим лицом статусом субъекта хозяйствования, как представляется, не приводит к какому-то качественному скачку в правосубъектности организации по законодательству Украины, за исключением того, что на нее распространяет свое действие ХК Украины.

Указанный пример законодательства государства в условиях существовавшей некогда единой, а в настоящее время гармонизированной правовой доктрины, в сходных экономических обстоятельствах позволяет сделать вывод об универсальном характере категории «юридическое лицо», в отличие от категории «хозяйствующий субъект», вторая не может быть альтернативой первой.

2. История систематизации юридических лиц в России.

Развитие представлений о системе юридических лиц в России происходило по той же модели, что и изменение представления о системе других правовых категорий: от регламентации правового статуса конкретного вида до появления общих положений обо всех видах в целом.

Так, отмечается, что первой акционерной компанией в России являлась учрежденная Указом от 24 февраля 1757 г. Российская в Константинополь торгующая коммерческая компания¹. Данная организация возникла в распорядительном порядке после неоднократных попыток определить ее учредителей². Вместе с тем имеются сведения о ранее созданных российских компаниях: артелях северного края (начало XVIII в.)³, компании китовой ловли (Указ от 8 ноября 1723 г.)⁴, компании, учреждаемой для торговли с Испанией (Указ от 4 августа 1724 г.)⁵.

Помимо юридических лиц, образование которых было не только санкционировано, но и, по всей видимости, инициировано государством, существовали и разного рода купеческие образования⁶.

Общих положений законодательства о названных юридических лицах и их системе в тот период не существовало вплоть до принятия в 1805 г. Сенатского указа «Об ответственности Акционерным компаниям в случае взыскания одним складочным капиталом», в котором были сформулированы правила об ответственности, относящиеся ко всем акционерным компаниям России, действовавшим в то время⁷, а затем Манифеста от 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству особых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий»⁸. В соответствии с самой первой нормативно проведенной классификацией юридических лиц в указанном выше Манифесте выделялись:

- купеческие товарищества (товарищество полное, товарищество на вере);
- товарищества по участкам.

¹ См.: Каминка А. И. Акционерные компании. Юридическое исследование. СПб., 1902. Т. 1. С. 337. В указанный период можно отметить тенденцию образования такого рода торговых компаний, санкционированных государством: в 1758 г. была образована Персидская торговая компания, в 1760 г. — Торгующая в Хиву и Бухару компания.

² См.: Полное собрание Законов Российской Империи с 1649 г. Собрание 1. Т. 14. № 10.694. С. 726.

³ См.: Лаппо-Данилевский А. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899. С. 13—14.

⁴ См.: Полное собрание Законов Российской Империи с 1649 г. Собрание 1. Т. 7. Ст. 4350. С. 153.

⁵ Там же. Ст. 4540. С. 332.

⁶ См.: Фирсов Н. Н. Русские торгово-промышленные компании в 1-ю половину XVIII столетия. Казань, 1896.

⁷ См.: Полное собрание Законов Российской Империи с 1649 г. Собрание 1. Т. 28. № 21.900. С. 1211.

⁸ Там же. Т. 29. № 22.418. С. 972.

Последние, в отличие от первых, могли иметь в своем составе лиц всех сословий, а не только купцов, число таких лиц не ограничивалось. Имущество формировалось за счет складочного капитала. Но создаваться такие аналоги акционерных обществ могли только для решения наиболее важных государственных задач и только по разрешительной системе.

Понятие акционерного общества впервые в России было дано спустя почти 30 лет в Положении о компаниях на акциях, утвержденном Указом от 6 декабря 1836 г.¹

Акционерные компании были, пожалуй, первым видом юридических лиц, достаточно детально урегулированным дореволюционным законодательством, вместе с тем термин «акционерное общество» не был в то время единственным, используемым для обозначения данного вида компаний².

В соответствии с указанным Положением акционерные компании классифицировались в зависимости от того, предоставлены ли им какие-либо льготы или привилегии. В настоящее время такой критерий классификации юридических лиц связан с особенностями публично-правового режима, распространяемого на юридические лица, и лежит за пределами гражданского права.

Кроме этого, устанавливалась классификация в зависимости от того, создана ли акционерная компания на определенный срок или без указания срока. Такая классификация в настоящее время является актуальной для целого ряда государств, в законодательстве которых предусмотрена необходимость указания срока существования компании в ее учредительных документах с возможностью его изменения, но не представлена в России.

Особенностью правового режима акционерных компаний того времени, как отмечает Л. И. Петражицкий, было также то, что статус этих компаний устанавливался не столько Положением о компаниях на акциях, сколько нормативными актами административных органов, так называемым сепаратным законодательством³.

Несмотря на неоднократные попытки дальнейшего реформирования акционерного законодательства и законодательства о компаниях

¹ См.: Полное собрание Законов Российской Империи с 1649 г. Собрание 1. Т. 11. № 9763. С. 257.

² См. об этом: *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права: в 4 т. СПб., 1908. Т. 1.

³ См.: *Петражицкий Л. И.* Акционерная компания. Акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве. СПб., 1898. С. 3. См. об этом также: *Корпоративное право: учебный курс: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина.* С. 133—134 (автор главы — А. Е. Молотников).

в целом, Положение о компаниях на акциях 1836 г. действовало вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

Одной из черт правового регулирования акционерных компаний в первые годы советской власти стало введение конструкции смешанного общества — организации в форме товарищества или акционерного общества, участниками которых наряду с предпринимателями выступали публичные образования — учреждения и предприятия. Их особенностью было отсутствие равенства прав частного и публичного участника, публичный участник имел в корпоративных отношениях властные полномочия¹. Вслед за отказом от новой экономической политики произошел и отказ от акционерной формы юридического лица, хотя отдельные такие юридические лица сохранялись на протяжении всего существования советского государства².

На начальном этапе перехода Российской Федерации к рыночным отношениям постановлением Совета Министров СССР от 19 июня 1990 г. № 590 было утверждено Положение об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью³, которое возродило в советском законодательстве организационно-правовую форму акционерного общества. Кроме этого, данным актом вводилась организационно-правовая форма общества с ограниченной ответственностью. После того в РСФСР были приняты Положение об акционерных обществах, утвержденное постановлением Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 601⁴, Закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности»⁵ и ряд других нормативных правовых актов, регулирующих статус юридических лиц.

Необходимо отметить, что, хотя гражданское законодательство о юридических лицах того периода, вплоть до принятия части первой ГК РФ, отличается противоречивостью, отсутствием четкой систематизации организационно-правовых форм юридических лиц, оно было первой после длительного отсутствия правового регулирования част-

¹ Подробнее об этом см.: *Вормс А.* Смешанные акционерные общества // Советское право. 1922. № 1.

² См. об этом: *Исаев И. А.* Становление хозяйственно-правовой мысли в СССР (20-е годы). М., 1986. С. 157; *Корпоративное право: учебный курс: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина.* С. 152 (автор главы — А. Е. Молотников); *Лукин С. В.* Акционерное предпринимательство в России: история и современность. М., 2001. С. 88—89.

³ Собрание постановлений Совета Министров СССР. 1990. № 15. Ст. 82.

⁴ Собрание постановлений Совета Министров РСФСР. 1991. № 6. Ст. 92.

⁵ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418.

ных юридических лиц попыткой установления статуса этих организаций в условиях перехода к рыночной экономике, в силу чего априори было переходным.

3. Система юридических лиц в современном российском гражданском законодательстве.

Новая система юридических лиц была введена частью первой ГК РФ. Она представляет собой, по существу, первую установленную в кодифицированном акте систему частных юридических лиц в России.

Гражданский кодекс РФ устанавливает разделение юридических лиц на виды по различным классификационным критериям.

В п. 2 и 3 ст. 48 ГК РФ предусмотрена классификация юридических лиц в зависимости от того, какие права имеют учредители (участники) в отношении таких юридических лиц или их имущества. В соответствии с этим выделяются:

— юридические лица, в отношении которых их участники имеют обязательственные права: хозяйственные товарищества и общества, производственные и потребительские кооперативы;

— юридические лица, на имущество которых их учредители имеют право собственности или иное вещное право: государственные и муниципальные унитарные предприятия, финансируемые собственником учреждения;

— юридические лица, в отношении которых их учредители (участники) не имеют имущественных прав: общественные и религиозные организации (объединения), благотворительные и иные фонды, объединения юридических лиц (ассоциации и союзы).

Подобная классификация не лишена недостатков. Как известно, вещные и обязательственные права являются разновидностями имущественных прав. Следовательно, деление юридических лиц на группы в п. 2 и 3 ст. 48 ГК РФ производится в зависимости от наличия или отсутствия имущественных прав между учредителями (участниками) и такими лицами. При этом не учитывается, что учредители (участники) могут иметь по отношению к юридическим лицам не только имущественные в классическом виде (вещные или обязательственные), но и корпоративные права, в отношении возможности отнесения которых к имущественным не один год ведутся научные дискуссии.

Применительно к юридическим лицам, основанным на членстве, обладание членами такого юридического лица корпоративными пра-

вами является важнейшей отличительной чертой данного юридического лица, намного более важной, чем обладание или необладание обязательственными правами¹.

Вторым установленным в ГК РФ критерием для классификации юридических лиц является наличие или отсутствие извлечения прибыли в качестве основной цели деятельности и как следствие возможность или невозможность распределения полученной прибыли между участниками такого юридического лица.

По этому признаку в соответствии со ст. 50 ГК РФ выделяются:

— коммерческие организации (хозяйственные товарищества и общества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия);

— некоммерческие организации (потребительские кооперативы, общественные или религиозные организации (объединения), финансируемые собственником учреждения, благотворительные и иные фонды, а также другие формы, предусмотренные законом).

Деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие воспринято в настоящее время в большинстве государств на территории бывшего СССР. Вместе с тем есть и исключения.

В качестве недостатка деления юридических лиц в зависимости от того, ставят ли они своей целью извлечение прибыли, приводится аргумент об условности такого критерия, поскольку и некоммерческие организации могут осуществлять деятельность, приносящую прибыль. Это, по мнению ученых, нивелирует практическую значимость такого деления. Именно из данного обстоятельства, как отмечает Н. С. Кузнецова, исходили разработчики ГК Украины при разработке критериев для классификации юридических лиц², в результате чего в украинском законодательстве было решено отказаться от данной классификации.

Оценивая приведенные доводы, можно отметить, что в делении юридических лиц на коммерческие и некоммерческие определенная

¹ В связи с чем нельзя не обратить внимание на то, что введение в ГК РФ новой организационно-правовой формы юридических лиц — хозяйственного партнерства (Федеральный закон «О хозяйственных партнерствах»; Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 393-ФЗ «О внесении изменений в статью 50 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О хозяйственных партнерствах”» — не повлекло внесение соответствующих изменений в ст. 48 ГК РФ, формально указанная организационно-правовая форма в данную классификацию не входит.

² См.: Цивільне право України: підручник. Книга 1 / за ред. О. В. Дзери, Н. С. Кузнецової. Київ, 2001. С. 120 (автор главы — Н. С. Кузнецова).

доля условности имеется¹. Как уже отмечалось, и те и другие вправе заниматься предпринимательской деятельностью.

Вместе с тем такое деление, известное еще дореволюционной цивилистике, имеет важное значение. Выражается оно не столько в разных социальных функциях, которые выполняют эти юридические лица (как отмечали еще дореволюционные ученые, некоммерческое юридическое лицо преследует «идеальные цели»²), сколько в различии правовых режимов.

Особенности правового режима некоммерческих организаций в настоящее время заключаются в том, что перечень организационно-правовых форм этих юридических лиц определяется в законодательстве (п. 3 ст. 50 ГК РФ), в то время как перечень организационно-правовых форм коммерческих организаций — только в Гражданском кодексе (п. 2 ст. 50 ГК РФ).

Далее, особенностью правового режима коммерческих организаций является детальное регулирование их правового положения в законе. В отличие от Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и Федерального закона «Об акционерных обществах», достаточно подробно регулирующих, к примеру, структуру органов управления этими хозяйственными обществами, построенными на принципе членства, порядок принятия ими решений, Федеральный закон «О некоммерческих организациях» устанавливает лишь самые общие начала правового регулирования данных вопросов применительно к некоммерческим организациям. При этом мнение о возможности применения к некоммерческим организациям положений законодательства о коммерческих организациях в силу аналогии закона является неоднозначным.

В зависимости от отнесения организаций к коммерческим или некоммерческим различается и порядок их государственной регистрации.

Во-первых, если государственную регистрацию коммерческих организаций осуществляет Федеральная налоговая служба, то в отношении некоммерческих организаций решение о государственной регистрации принимается органами юстиции, а внесение соответствую-

¹ Критические замечания по поводу обоснованности деления юридических лиц на коммерческие и некоммерческие высказаны и в российской правовой доктрине. См., в частности: Толстой Ю. К. К разработке понятия юридического лица на современном этапе // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. / отв. ред. В. Н. Литовкин, В. А. Рахмилович. М., 2000. С. 81—112.

² В. И. Синайский, в частности, выделял идеальные (преследующие идеальную цель) и хозяйственные (деятельность которых носит характер спекуляции) юридические лица. См.: Синайский В. И. Указ. соч. С. 115.

щих записей в Единый государственный реестр юридических лиц производится Федеральной налоговой службой.

Во-вторых, в отношении некоммерческих организаций установлены особые основания для отказа в государственной регистрации (несоответствие представленных на регистрацию документов Конституции РФ или иному законодательству).

Третьим установленным в законе критерием классификации юридических лиц является организационно-правовая форма.

В п. 2 ст. 50 ГК РФ определено, что коммерческие организации могут создаваться в форме хозяйственных товариществ и обществ, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий. В свою очередь, хозяйственные товарищества делятся на полные товарищества и товарищества на вере (коммандитные товарищества), хозяйственные общества — на общества с ограниченной ответственностью, общества с дополнительной ответственностью и акционерные общества, а последние делятся на открытые и закрытые.

В соответствии с п. 3 ст. 50 ГК РФ некоммерческие организации могут быть созданы в форме потребительских кооперативов, общественных и религиозных организаций (объединений), учреждений, благотворительных и иных фондов, а также в других формах, предусмотренных законом.

Таким образом, как отмечают исследователи, в Российской Федерации можно насчитать 10 организационно-правовых форм коммерческих юридических лиц и 17 организационно-правовых форм некоммерческих организаций¹.

Аналогичный подход к построению системы юридических лиц отмечается в настоящее время в других государствах на постсоветском пространстве, которые при разработке законодательства о юридических лицах учли подход, предложенный в части первой Модельного гражданского кодекса для государств — участников Содружества Независимых Государств².

Включение тех или иных образований в названную классификацию не раз подвергалось критике в литературе.

¹ См.: Козлова Н. В. Компании с ограниченной ответственностью по законодательству Норвегии. С. 259—265. По другим оценкам — 7 и 17 соответственно. См.: Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. М., 2011. С. 137—139. Сам факт наличия разных подсчетов, как представляется, подтверждает противоречивость построения существующей системы юридических лиц.

² Принят Межпарламентской Ассамблеей государств — участников Содружества Независимых Государств 29 октября 1994 г., опубликован в № 6 «Информационного бюллетеня Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ» за 1995 г.

В частности, высказываются сомнения в необходимости наделяния полных товариществ правами юридического лица. В качестве доводов указывается на отсутствие особой организации полного товарищества, отличной от полного товарища, практической невозможности отделить случаи участия в гражданском обороте полного товарищества и полного товарища¹, наконец, о дублировании корпоративного (полное товарищество и товарищество на вере) и договорного (простое товарищество) образований, в то время как в развитых зарубежных правовых порядках существует, как правило, либо тот, либо другой вид.

Когда за «фасадом» юридического лица скрывается его единственный участник, разграничить случаи участия в обороте юридического лица или его участника позволяет сама конструкция юридического лица, в случае же с полным товариществом, согласно этому мнению, такое разграничение не всегда столь очевидно.

Но, как представляется, в законодательстве имеются достаточные механизмы, в частности, ограничения права товарищей совершать сделки, входящие в предмет деятельности полного товарищества или однородные с ним, а также нормы законодательства о том, что каждый участник полного товарищества вправе действовать от имени товарищества, построены как диспозитивные, чтобы избежать такого смешения.

Заслуживает внимания противоположная позиция, признающая товарищество наименее подходящей формой для всякого рода мошеннических операций с учетом весомо больших гарантий кредиторов в силу предусмотренной законодательством ответственности полных товарищей по долгам товарищества всем своим имуществом. В развитие этого подчеркивается необходимость в поддержке законодателем таких товариществ, в предоставлении им разного рода преференций, в частности в области кредитования и налогообложения².

Довольно давно высказывается предположение об отсутствии целесообразности одновременного существования двух близких организационно-правовых форм: общества с ограниченной ответственностью и закрытого акционерного общества³. В законодательстве мно-

¹ См.: *Функ Я. И.* Полное товарищество по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь. М.: Минск, 2002. С. 5, 10—11.

² См.: *Козлова Н. В.* Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. С. 267.

³ См.: *Суханов Е. А.* О российском акционерном законодательстве // Законодательство. 1998. № 12. С. 29.

гих государств, в том числе на территории бывшего СССР, деление акционерных обществ на закрытые и открытые не проводится.

Для того чтобы предложить какое-либо законодательное решение: упразднение обществ с ограниченной ответственностью или закрытых акционерных обществ либо принятие концепции единого акционерного общества, необходимо отметить недостатки существующей модели. К сожалению, никаких существенных доводов, кроме родственности этих конструкций, учеными не приводится¹. А вместе с тем реформирование законодательства о юридических лицах потребует временных и экономических затрат, связанных с необходимостью приведения организационно-правовых форм в соответствие с действующим законодательством. И возложение дополнительного экономического бремени на участников гражданского оборота или на бюджет государства (в случае принудительной ликвидации юридических лиц, чья организационно-правовая форма не была приведена в соответствие с законодательством) только из-за этого представляется необоснованным.

Примечательно, что законодательство некоторых государств — участников СНГ вовсе отказалось от конструкции публично-правовых унитарных предприятий. Таких конструкций нет, в частности, в Армении и Грузии. В Российской Федерации также высказываются соответствующие предложения².

Заменить такую форму возможно путем преобразования унитарного предприятия в акционерное общество, передав 100% акций этого общества государству, что и реализуется в государствах, отказавшихся от этой конструкции. Вместе с тем необходимо учитывать и верно отмеченную возможность возникновения негативных последствий этого, в связи с чем А. Л. Маковским высказывалось предложение об установлении для особо важных предприятий, относящихся, к примеру, к военно-промышленному комплексу, особого статуса³.

¹ Как отмечает Н. В. Козлова, единственным принципиальным отличием между закрытым акционерным обществом и обществом с ограниченной ответственностью с учетом того, что акции закрытого акционерного общества, как правило, существуют в бездокументарной форме и распределяются между заранее определенным кругом лиц — учредителей, являются особенности выплаты стоимости доли участнику при его выходе из общества (см.: *Козлова Н. В.* Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. С. 268).

² См.: *Суханов Е. А.* Проблемы развития законодательства о коммерческих организациях. С. 50—52.

³ См.: *Маковский А. Л.* Новые гражданские кодексы государств — участников СНГ: стабильность и переходный характер регулирования // Пути к новому праву. Материалы международных конференций в Санкт-Петербурге и Бремене / под общ. ред. *М. М. Богуславского и Р. Книпера.* Берлин, 1998. С. 133.

В Белоруссии отмечается противоположная тенденция — ч. 3 п. 1 ст. 113 ГК Республики Беларусь допускает возможность создания частных унитарных предприятий — юридических лиц, не наделенных правом собственности на закрепленное за ними имущество, которое является неделимым, а имеющих это имущество на праве хозяйственного ведения¹.

Такая конструкция весьма близка конструкциям компаний одного лица (*one man company*, *Einmanngesellschaft*) с той лишь разницей, что в данном случае компания одного лица не является собственником имущества, а следовательно, ее нельзя назвать полноценным участником гражданского оборота.

Участие в обороте компаний одного лица, поскольку в этом случае лицо, выступающее за «фасадом» юридического лица, фактически ограничивает пределы своей имущественной ответственности, требует определенных гарантий для контрагентов такого лица. Одной из таких гарантий может быть закрепление в законодательстве требования об опубликовании сведений о том, что общество является созданным одним лицом, либо сведений о приобретении одним лицом всех акций (или долей) общества. Эти гарантии обеспечивают в первую очередь интересы акционеров (участников) и в целом внешних инвесторов общества. Такие гарантии применительно к акционерным обществам закреплены в п. 4 ст. 153 ГК Украины:

§ 3. Дуализм юридических лиц: частное юридическое лицо — публичное юридическое лицо

Как отмечал в свое время Г. Ф. Шершеневич, в основе деления юридических лиц на публичные и частные лежит порядок их образования: частные создаются по воле частных лиц, т. е. не государства, а публичные — помимо такой воли, т. е. либо исторически, либо в законодательном порядке.

К публичным юридическим лицам при этом автор относил само государство (казну), ведомства и учреждения, обладающие обособленным имуществом, а также органы местного самоуправления².

Законодательство Российской Империи и тем более СССР, в котором не признавалось деление на публичное и частное, не предусматривало разграничение юридических лиц на частные и публичные. Не производится это и в современной России.

¹ См.: *Чигир В. Ф.* Гражданский кодекс Республики Беларусь: с комментариями к разделам. 2-е изд. Минск, 1999. С. 148—149.

² См.: *Шершеневич Г. Ф.* Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 119—120.

Иной подход сформировался на территории других бывших республик СССР. Так, ст. 58 ГК Республики Молдова относит к юридическим лицам публичного права государство и административно-территориальные единицы, от лица которых в гражданском обороте участвуют их органы.

В п. 2 ст. 81 ГК Украины в качестве критерия деления юридических лиц на публичные и частные используется порядок их создания: юридическое лицо частного права создается на основании учредительных документов в общем порядке, установленном гражданским законодательством, а юридические лица публичного права — на основании распорядительного акта Президента, органа государственной власти, органа власти Автономной Республики Крым или органа местного самоуправления. Таким образом, к публичным юридическим лицам относятся государственные предприятия и учебные заведения, а также иные организации в случаях и порядке, установленных законом (п. 2 ст. 167 ГК Украины), коммунальные предприятия, учебные заведения и др.

В украинской доктрине в качестве юридических лиц публичного права называются Верховная Рада, Президент, Кабинет министров, Конституционный суд, воинские формирования и др.¹, что само по себе весьма интересно, поскольку тем самым допускается не только существование так называемых юридических лиц-должностей (Президент Украины), но и то, что абсолютно все государственные органы могут рассматриваться как юридические лица публичного права.

В связи с этим возникает вопрос о ценности такого деления, которое фактически размывает концепцию юридического лица, делает ее неопределенной. Не случайно категория юридического лица в развитых правовых системах начала складываться именно для объяснения правосубъектности определенных общностей, выступающих в имущественном гражданско-правовом обороте.

В правовой доктрине Украины сложилось и иное представление о критериях деления юридических лиц на публичные и частные.

Е. О. Харитонов и Н. А. Саниахметова отмечают, что указанное деление производится в зависимости от типа правосубъектности и функций.

В соответствии с этим к юридическим лицам частного права отнесены лица, «созданные для достижения цели, имеющей частный характер, для получения прибыли и удовлетворения иных потребностей их

¹ См.: Гражданский кодекс Украины. Комментарий. Т. 1. 2-е изд. / под общ. ред. Е. О. Харитонова и О. М. Калитенко. Харьков, 2004. С. 240 (автор комментария — Ю. В. Белоусов).

учредителей», а к юридическим лицам публичного права — созданные для выполнения функций публичной власти — управления, обеспечения публичного правопорядка и т. п.¹ Но при таком подходе нельзя не отметить того, что юридические лица публичного права, по большому счету, — это не юридические лица как участники гражданско-правовых отношений, при таких формулировках обращается внимание на характеристику этих лиц как субъектов публичного права.

В современной правовой доктрине в качестве признаков публичного юридического лица отмечаются публичный характер преследуемых такой организацией целей, возникновение и прекращение на основании специального акта, принимаемого компетентными государственными органами, специальная хозяйственная компетенция, наличие властных полномочий. Последний признак является по сути внешним для гражданского права, поскольку не характеризует правовой статус такого лица в регулируемых гражданским правом отношениях.

По вопросу о том, надлежит ли относить к публичным юридическим лицам государство и другие публично-правовые образования (субъекты, органы местного самоуправления), сложилось два противоположных подхода².

Вместе с тем подход, сложившийся в большинстве государств — бывших республик СССР, в соответствии с которым государство и публично-правовые образования являются особыми субъектами гражданского права, в полной мере отражает специфику этих субъектов, а их признание юридическими лицами размывает саму концепцию юридического лица.

Деление же юридических лиц на частные и публичные в той форме, в которой оно проведено, к примеру, в отдельных государствах на постсоветском пространстве, не имеет четко выраженного практического значения. Здесь без выявления достаточно четкого представления о сущности публичного юридического лица как субъекта гражданского права учение о субъектах гражданского права переходит определенную грань и выливается в общее учение о субъектах права.

Н. В. Козлова предлагает ввести в юридический оборот термин «квазипубличное юридическое лицо», под которым понимается юридическое лицо, не являющееся субъектом публичного права, но слу-

¹ См.: Харитонов Е. О., Саниахметова Н. А. Гражданское право Украины: учебник. Харьков, 2004. С. 176—177.

² Сторонником отнесения государства и других публично-правовых образований к юридическим лицам публичного права является Н. В. Козлова (см.: Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. С. 284).

жащее общим нуждам населения и обладающее в определенной сфере рядом публичных правомочий¹.

При этом, как представляется, нуждается в уточнении вопрос о том, рассматриваются ли публичные правомочия такого юридического лица в качестве одного из его признаков как субъекта гражданского права. Представляется, что для этого не имеется достаточных оснований. Безусловно, юридические лица публичного права, как уже подчеркивалось, могут обладать властными полномочиями — это свойство, думается, является одним из имманентно присущих таким юридическим лицам, но данное свойство характеризует их как участников публично-правовых отношений и не имеет принципиального значения для характеристики этого лица как субъекта гражданского права.

§ 4. Реформирование системы юридических лиц в российском праве

Проект концептуальных изменений в ГК РФ в части общих положений о юридических лицах представляет интерес для предмета настоящего исследования с точки зрения дополнительных критериев, вводимых с целью дополнительного структурирования системы юридических лиц. Но прежде чем перейти к их исследованию и оценке, обратим внимание на перспективу указания законодателем исчерпывающего перечня видов организационно-правовых форм юридических лиц в ГК РФ. Если действующая норма ст. 50 ГК РФ, имеющая отсылочный характер, предполагает в качестве дополнительных источников организационно-правовых форм, в которых могут создаваться и функционировать юридические лица, иные федеральные законы, то проект изменений в указанную статью называет ГК РФ единственным законом, предусматривающим организационно-правовые формы юридического лица. Данный подход в полной мере соответствует изложенной в Концепции развития гражданского законодательства и в определенной степени представленной в действующей системе гражданского законодательства о юридических лицах идее «двухуровневой» регламентации создания, внутренней организации и прекращения юридических лиц всех организационно-правовых форм, классифицируемых и объединяемых в группы (коммерческие и некоммерческие, корпоративные и унитарные и т. д.) в зависимости от применения соответствующих критериев.

¹ См.: Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. С. 286.

Цель повышения роли ГК РФ в регулировании однородных и похожих отношений, связанных с созданием, прекращением и внутренней организацией юридических лиц одной группы, имеющих определенное сходство гражданско-правового статуса, достигается путем закрепления в Кодексе закрытого перечня организационно-правовых форм юридических лиц, общих положений, применимых к каждому виду юридического лица, и общих положений, определяющих статус отдельных юридических лиц, а также отнесения вопросов детального регулирования отдельных видов юридических лиц к предмету регулирования специальных федеральных законов России.

Если говорить о признаках, позволяющих разделять юридические лица на определенные группы, которым присущи единые характеристики правового статуса входящих в них субъектов, то Проект в соответствии с положением Концепции сохраняет деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие. Критерием для такого разграничения является цель создания и деятельности юридических лиц, которая может заключаться в систематическом извлечении прибыли и распределении ее среди учредителей (участников) данных хозяйствующих субъектов (ст. 50 ГК РФ) либо в достижении социальных, благотворительных, культурных, образовательных и иных общественных благ без возможности обогащения участников такого юридического лица¹.

Применение данного критерия позволяет выделить отличия в объеме правоспособности коммерческих и некоммерческих юридических лиц. Правоспособность последних имеет ограниченный (специальный) характер, что проявляется в установленном законом недопущении извлекать прибыль в качестве основной цели деятельности некоммерческой организации. Как односложно отмечается в Концепции применительно к некоммерческим юридическим лицам, данные организации имеют право осуществлять не предпринимательскую деятельность, основным признаком которой согласно ст. 2 ГК РФ является нацеленность на извлечение прибыли на систематической, т. е. регулярной, основе, а деятельность, которая позволяет приносить дополнительные, помимо пожертвований и безвозмездных вкладов участников, доходы. Поскольку данная деятельность имеет вспомогательный характер по отношению к целям создания и деятельности некоммерческих организаций, разработчики Концепции выступили с инициативой включить в положения ГК РФ норму о закрытом, исчерпывающем перечислении в уставе некоммерческой

¹ См. ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях».

организации всех видов разрешенной деятельности, включая предпринимательство, а также об осуществлении хозяйственной (предпринимательской) деятельности только в пределах сферы, соответствующей общественному профилю данной некоммерческой организации¹.

Оценивая данное предложение Концепции как позволяющее внести ясность в квалификацию деятельности некоммерческого юридического лица, считаем отсутствие соответствующей нормы в проекте изменений в ГК РФ определенным упущением разработчиков данных изменений.

Полагаем, что применение дополнительного критерия — указания на распространение специальной природы гражданской правоспособности некоммерческих организаций на право осуществлять ими приносящую прибыль (предпринимательскую) деятельность, от которого авторы проекта изменений в ГК РФ неоправданно отказались, могло бы внести определенность в классификацию (деление на подвиды согласно применяемому критерию) данных лиц по сферам предпринимательской деятельности в рамках одной видовой группы «некоммерческие юридические лица».

При том что рассмотренный критерий сохранил свою применимость в рамках проекта изменений в ГК РФ, в сочетании с новыми, неизвестными действующему гражданскому законодательству, признаками (критериями) он в определенной степени меняет систему юридических лиц, поскольку влечет возможность структурировать некоторые виды организационно-правовых форм в группы исходя из единых подходов закона в их регулировании. Но прежде чем перейти к рассмотрению новых критериев для объединения юридических лиц в определенные группы, предлагаем оценить изменения в части организационно-правовых форм юридических лиц, обосновать целесообразность включения в предусмотренный законом перечень новых и исключения некоторых из действующих организационно-правовых форм юридических лиц.

Что касается коммерческих юридических лиц, то число предусмотренных для них организационно-правовых форм сократилось за счет исключения из законодательства акционерных обществ закрытого типа (закрытых акционерных обществ) и обществ с дополнительной ответственностью. По мнению авторов Концепции и разработчиков изменений в ГК РФ, целесообразность дифференциации в рамках одной организационно-правовой формы акционерного общества

¹ См. п. 1.4 разд. 1 «Общие положения ГК о юридических лицах» Концепции.

на два типа — открытые и закрытые акционерные общества — отсутствует ввиду сходства статуса закрытых акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. Напомним, что деление акционерных обществ на два типа было основано на такой критерии, как ограничение оборота акций закрытого акционерного общества среди неопределенного круга лиц и отсутствие данного ограничения для обществ открытого типа. Если собственник акций — акционер закрытого акционерного общества — в силу ст. 97 ГК РФ и ст. 7 Федерального закона «Об акционерных обществах» приобретает право совершить сделку по возмездному отчуждению третьему лицу принадлежащих ему акций этого общества только после направления предложения об их приобретении другим акционерам и (или) обществу (если ему предоставлено уставом право приобретения акций в порядке ст. 72 Закона), а также получения отказа от приобретения акций или истечения срока на акцепт данного предложения, то акционер открытого акционерного общества имеет право совершать сделки с принадлежащими ему ценными бумагами общества без ограничения в виде описанной процедуры соблюдения преимущественного права покупки акций иными акционерами и (или) непосредственно обществом¹.

Поскольку аналогичный институт преимущественного права предусмотрен законодателем применительно к возмездному отчуждению долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, авторы Концепции оценили такое ограничение оборота объектов, формирующих уставный капитал закрытых акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, как основание для вывода о сходстве гражданско-правового статуса данных организационно-правовых форм юридического лица².

В указанном понимании статуса закрытых акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью есть определенная последовательность, поскольку цели создания юридического лица в организационно-правовой форме акционерного общества не могут быть достигнуты при использовании общества закрытого типа. Преимуще-

¹ Исключение может иметь место в случае заключения акционерами (всеми либо определенной частью) открытого акционерного общества акционерного соглашения, относящегося, согласно Проекту, к общей категории «корпоративные договоры» (ст. 67.2) и предоставляющего право отчуждения акций лицам, не являющимся акционерами общества, только при условии соблюдения их преимущественного права приобретения данных ценных бумаг.

² См. пояснительную записку «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации”».

ство организационно-правовой формы акционерного общества заключается в возможности привлечения внешних инвестиций для целей развития деятельности общества в течение непродолжительного периода времени и по мере возникновения такой необходимости. Такая возможность имеет место ввиду высокой оборотоспособности акций — ценных бумаг, стоимость которых формирует величину уставного капитала акционерного общества.

Рассмотренная особенность акционерного общества утрачивается применительно к закрытому типу акционерного общества, которое предопределяет закрытый и определенный на стадии учреждения общества круг акционеров, что исключает возможность инвестиций за счет отчуждения акций дополнительного выпуска среди неопределенного круга лиц и гарантированное денежное поступление в общество, зависящее исключительно от результатов его деятельности либо материального благополучия его акционеров (если рассматривать перспективы увеличения уставного капитала за счет вложений акционеров согласно Стандартам эмиссии ценных бумаг и регистрации проспектов ценных бумаг). Указанная предопределенность источников формирования имущественной основы деятельности этого юридического лица влечет нивелирование существенных различий между закрытым акционерным обществом и обществом с ограниченной ответственностью. Безусловно, имеет место разница в нормативном порядке формирования уставного капитала, который для закрытых акционерных обществ сопряжен с необходимостью регистрации выпуска акций контролирующим органом (Федеральной службой по финансовым рынкам РФ), в способе учета и удостоверения прав на долю участия в уставном капитале, который для акционерных обществ требует ведение реестра владельцев именных ценных бумаг (далее — реестр акционеров) самим обществом либо с привлечением профессионального участника рынка ценных бумаг — реестродержателя¹. Именно последняя особенность нередко на практике предопределяла выбор лиц, планировавших участие в предпринимательской деятельности посредством создания юридического лица, в пользу организационно-правовой формы закрытого акционерного общества, поскольку при наличии масштабного бизнеса, предполагающего владение создаваемым юридическим лицом множеством активов, самостоятельное ведение обществом реестра его акционеров исключает вероятность незаконного и необоснованного внесения сведений в реестр акционеров. И необхо-

¹ См. Положение о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг (утв. постановлением ФКЦБ России от 2 октября 1997 г. № 27).

димо отметить, что только с внесением существенных изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» (Федеральный закон от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») были созданы объективные предпосылки для предотвращения порочной практики внесения незаконных изменений в Единый государственный реестр юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) об участниках обществ с ограниченной ответственностью и принадлежащих им долях в уставном капитале данных обществ. Имеется в виду императивное требование ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» о нотариальном удостоверении сделок с долями в уставном капитале и предоставлении пакета документов для внесения соответствующих изменений в ЕГРЮЛ непосредственно нотариусом, что предполагает соответствующую проверку документов — оснований для перехода права на долю — на юридическую «чистоту» и достоверность. Отсутствие указанного правила до лета 2009 г. повлекло появление на практике такого способа защиты права участника общества с ограниченной ответственностью, утратившего право на долю в уставном капитале общества вследствие неправомерных действий и злоупотреблений третьих лиц и в отсутствие воли самого участника, как «восстановление корпоративного контроля». Данная форма защиты имущественных интересов участника, которая впервые была применена в практике Высшего Арбитражного Суда РФ (см. постановление Президиума этого Суда от 3 июня 2008 г. № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21), вводится законодателем согласно проекту изменений в ГК РФ как способ защиты участников любой корпорации (п. 2 ст. 65)¹.

Отметив отличия в нормативном регулировании двух организационно-правовых форм — закрытых акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, мы ставим под сомнение умозаключение авторов Проекта о совпадении статуса обществ с ограниченной ответственностью со статусом «не оправдавших себя»² закрытых ак-

¹ Согласно ст. 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» обязанность передать ведение реестра профессиональному реестродержателю — регистратору возникает только для акционерного общества, количество акционеров которого равно либо превышает 50, что не может иметь места применительно к акционерному обществу закрытого типа в силу императивного требования ст. 7 указанного Закона. В силу изложенных обстоятельств на практике редко имеет место передача закрытым акционерным обществом реестра акционеров профессиональному реестродержателю.

² См. пояснительную записку «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации”».

ционерных обществ. Активное использование в деловом обороте организационно-правовой формы закрытого акционерного общества для достижения целей предпринимательского характера во многом объясняется способом фиксации и удостоверения их участия в уставном капитале данного общества (посредством учета принадлежащих акционерам акций в реестре владельцев именных ценных бумаг) и возможностью контролировать круг лиц, принимающих участие в деятельности высшего органа управления общества и влияющих на формирование воли общества посредством голосования на общих собраниях акционеров.

Говоря об отказе от деления акционерных обществ на два типа и исключении закрытых акционерных обществ из системы юридических лиц России, нельзя оставить без должного комментария вводимую законодателем дифференциацию хозяйственных обществ на публичные и непубличные. Согласно ст. 66.3 Проекта публичными обществами будут являться акционерные общества, акции и ценные бумаги, конвертируемые в акции, которых публично размещаются по открытой подписке среди неопределенного круга лиц либо посредством реализации данных ценных бумаг на фондовой бирже или иных организованных финансовых рынках. Сведения о публичном статусе акционерного общества должны быть известны всем третьим лицам непосредственно из наименования данного юридического лица, поскольку проект изменений в ГК РФ вменяет в обязанность предоставление таким обществом для включения в ЕГРЮЛ наименования, содержащего обязательное указание на публичный характер данного юридического лица. Более того, право акционерного общества публично размещать акции и иные ценные бумаги, конвертируемые в акции, возникает только с момента внесения в ЕГРЮЛ сведений о публичном статусе такого общества посредством указания на это в его наименовании.

Акционерное общество, акции которого не обращаются на открытом рынке, а также общество с ограниченной ответственностью являются непубличными обществами. При этом применительно к акционерным обществам предусматривается возможность изменения статуса непубличных обществ на общества публичного типа не в силу фактических обстоятельств (например, прохождение процедуры IPO и включение акций данного общества в котировальный список), а согласно воле участников (акционеров) данного юридического лица. Согласно п. 1 ст. 66.3 Проекта правила о публичных обществах применяются также к акционерным обществам, устав и фирменное наименование которых содержат указание на то, что общество является

публичным. Следовательно, принятие большинством акционеров на общем собрании решения об изменении наименования акционерного общества, а именно о включении указания на его публичный характер, а также решения о внесении соответствующих изменений в устав позволяет изменить статус данного акционерного общества, поскольку разработчики изменений в ГК РФ предусматривают ряд особенностей в нормативном регулировании публичных хозяйственных обществ. Это требования к системе органов управления (создание наблюдательного совета с числом членов не менее пяти человек — п. 3 ст. 97); к лицу, осуществляющему ведение реестра владельцев именных ценных бумаг акционерного общества (эту функцию осуществляет независимая лицензированная организация — п. 4 ст. 97); к запрету ограничивать оборот акций, формирующих уставный капитал общества, путем установления согласия иных лиц на их отчуждение (п. 5 ст. 97); к порядку удостоверения решений общих собраний акционеров (принятие решения на общем собрании акционеров и состав присутствовавших при этом акционеров подтверждаются лицом, осуществляющим ведение реестра владельцев именных ценных бумаг общества, — п. 3 ст. 67.1); к обязанности раскрывать информацию, установленную законом¹.

Таким образом, изложенное позволяет прийти к следующим умозаключениям. Во-первых, критерий публичности является общим для всех хозяйственных обществ, т. е. распространяющимся и на общества с ограниченной ответственностью, которые в рассматриваемой дифференциации обществ всегда относятся к числу непубличных в силу объективной невозможности участия в публичном обороте посредством продажи на организованных финансовых рынках имущества, формирующего уставный капитал данных юридических лиц. Во-вторых, критерий, позволяющий разделять хозяйственные общества на публичные и непубличные, не совпадает с критерием, позво-

¹ В настоящее время основным источником, регулирующим содержание, порядок и сроки публичного раскрытия информации открытыми акционерными обществами и закрытыми акционерными обществами, чьи акции были когда-либо размещены по открытой подписке на основании проспекта эмиссии либо в порядке приватизации посредством распространения акций среди неопределенного круга лиц, является нормативный правовой акт Федеральной службы по финансовым рынкам — Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг, утвержденное приказом ФСФР России от 4 октября 2011 г. № 11-46/пз-н (в ред. от 24 апреля 2012 г.). Поскольку названный источник регулирования не имеет статуса закона, следует предположить, что нормы о содержании раскрываемой информации (прежде всего перечень сообщений о существенных фактах) в значительной степени пополняют содержание Федерального закона «Об акционерных обществах».

лявшим до момента внесения изменений в ГК РФ классифицировать акционерные общества на закрытые и открытые.

Критерий публичности в своей основе и предпосылке содержит направленность не на ограничение участия в уставном капитале общества не согласованных с учредителями третьих лиц и установление «барьеров» для вхождения в круг акционеров в виде преимущественного права покупки акционерами и (или) обществом отчуждаемых акций, что характерно для критерия, лежащего в основе действующего деления акционерных обществ на типы, а на защиту и предупреждение от нарушения прав и законных интересов миноритарных акционеров крупных акционерных обществ. В силу значительного числа таких лиц и уязвимости их имущественных интересов, которая предопределена ничтожно малым числом принадлежащих им акций и неспособностью в силу данного факта влиять на формирование воли акционерного общества, законодатель предпринимает попытку ввести более строгое регулирование статуса такого юридического лица, что требует установления широкого круга раскрываемой им информации и тем самым возлагает дополнительные требования к «прозрачности» осуществляемой им деятельности.

Возвращаясь к вопросу об организационно-правовых формах юридических лиц, которые реформаторы гражданского законодательства предлагают законодателю исключить из системы юридических лиц России, отметим общества с дополнительной ответственностью, которые не получили практического распространения в практике организации бизнеса посредством учреждения юридических лиц. Несущественное число юридических лиц, зарегистрированных в названной организационно-правовой форме согласно данным ЕГРЮЛ, позволяет сделать вывод о нецелесообразности сохранения данного вида юридического лица в системе юридических лиц России. В свою очередь, пассивное использование общества с дополнительной ответственностью как субъекта предпринимательской деятельности можно объяснить предусмотренной в ст. 95 ГК РФ формой субсидиарной (дополнительной) ответственности его учредителей по обязательствам данного юридического лица, что не отвечает современным условиям рыночной экономики и участию в ней полноправных субъектов деловых отношений. Полноправность субъекта гражданских правоотношений означает его материальную независимость и имущественную обособленность от учредивших его лиц, что предполагает наличие у него достаточного имущества, которым он «вправе свободно

распоряжаться и отвечать им, не прибегая к дополнительной ответственности со стороны... участников»¹.

Поэтому, положительно оценивая намерение разработчиков проекта изменений в ГК РФ отказаться от несоответствующей условиям осуществления предпринимательской деятельности организационно-правовой формы общества с дополнительной ответственностью, следует подвергнуть критике сохранение таких неполноправных субъектов экономико-рыночных отношений, как учрежденные публичным собственником унитарные предприятия. Как справедливо отмечается в научной публицистике, сохранение обязательственных и вещных прав учредителя на имущество созданного им унитарного предприятия, отсутствие в законодательстве ответа на вопрос о правовой природе имущества, находящегося в ведении такого юридического лица, равно как и широкое использование института субсидиарной ответственности учредителей по обязательствам юридического лица (ст. 56, п. 2 ст. 66, п. 5 ст. 115, п. 2 ст. 120 ГК РФ) свидетельствуют о существенной задержке в определении юридического лица как полноправного участника имущественных и неимущественных отношений, регулируемых гражданским законодательством².

К числу элементов системы юридических лиц, которые неоправданно ограничиваются в возможности участвовать наряду с иными субъектами в гражданских правоотношениях в силу применения к последствиям их деятельности института субсидиарной (дополнительной) ответственности учредителей, следует относить новую организационно-правовую форму коммерческого юридического лица — крестьянское (фермерское) хозяйство, предусмотренное ст. 81.1 Проекта.

Возможность осуществления совместной производственной и иной хозяйственной деятельности (производство, переработка, хранение, транспортировка и реализация сельскохозяйственной продукции) без образования юридического лица посредством личного участия и объединения имущества субъектов, связанных родством и (или) свойством, предусмотрена действующим законодательством³. При этом согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» к деятельности фермерского хозяйства, осуществ-

¹ Мозолин В. П., Лафитский В. И. О статусе Российской академии наук, Банка России и других юридических лиц в связи с проектом новой редакции Гражданского кодекса РФ // Законодательство и экономика. 2011. № 1. С. 5—10.

² Там же.

³ См. Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

вляемой без образования юридического лица, применяются правила гражданского законодательства, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из федерального закона, иных нормативных правовых актов Российской Федерации или существа правовых отношений¹. В деятельности крестьянского хозяйства преобладают не только хозяйственные задачи, обусловленные сельскохозяйственной и связанной с ней деятельностью, но и коммерческие задачи, направленные на получение прибыли и распределение ее между членами данного объединения граждан, поэтому закон наделяет крестьянское (фермерское) хозяйство всеми правами и обязанностями, необходимыми для осуществления частной предпринимательской деятельности.

Цели включения крестьянского (фермерского) хозяйства в перечень организационно-правовых форм юридических лиц predeterminedены принятием Российской Федерации 156-м членом во Всемирную торговую организацию (далее — ВТО). Чтобы создать условия для конкурентоспособности отечественных сельхозпроизводителей, должна быть возможность выбора формы осуществления сельхозпроизводства. В данном формате Россия ориентирована на страны Европы, Америки, Австралии, в которых согласно законодательному регулированию производители продукции разделены на категорию индустриальных предприятий в форме хозяйственных обществ и категорию крестьянских (фермерских) хозяйств.

Действующий ГК РФ не вносит ясности в вопрос о правовом статусе крестьянского (фермерского) хозяйства, поскольку не наделяет семейные и индивидуальные объединения граждан статусом юридического лица, если они не облечены в форму хозяйственного товарищества и общества, производственного кооператива. Согласно п. 2 ст. 23 ГК РФ глава крестьянского (фермерского) хозяйства, осуществляющего деятельность без образования юридического лица, признается предпринимателем с момента государственной регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства, при этом крестьянские хозяйства не предусмотрены в перечне организационно-правовых форм коммерческих юридических лиц.

Именно направленность на формирование единого подхода к правовому статусу крестьянских (фермерских) хозяйств, согласование норм о статусе, порядке образования и прекращения деятельности

¹ До вступления в силу Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» крестьянские (фермерские) хозяйства подлежали регистрации как юридические лица в соответствии с Законом РСФСР от 22 ноября 1990 г. № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

указанных хозяйств предопределяет указание в Проекте возможности регистрировать данные объединения граждан в конкретной организационно-правовой форме. Полагаем, что законодательная определенность в статусе принадлежащего данному юридическому лицу имущества, в содержании прав и обязанностей его членов будет способствовать развитию указанной формы хозяйствования и ее более полному участию в развитии сельскохозяйственного производства в свете вхождения России в ВТО.

Если сравнивать статус юридического лица, созданного в организационно-правовой форме крестьянского (фермерского) хозяйства согласно Проекту, со статусом крестьянского (фермерского) хозяйства как объединения граждан без создания юридического лица для целей осуществления хозяйственной деятельности согласно действующему нормативному регулированию, то отличия прослеживаются в режиме имущества, переданного членами данного хозяйства в данное объединение. В случае неприменения указанной организационно-правовой формы юридического лица имущество принадлежит всем членам хозяйства на праве совместной собственности, если соглашением между ними не предусмотрено иное (п. 3 ст. 6 Федерального закона «О крестьянских (фермерских) хозяйствах»), а при создании юридического лица как самостоятельного субъекта гражданских правоотношений у него возникает право собственности на имущество, переданное его членами в качестве соответствующих имущественных вкладов и приобретенное им в процессе осуществления его предпринимательской (производственной и иной хозяйственной) деятельности в области сельского хозяйства. Более того, Проект, предусматривая данный вид юридического лица, отступает от таких характеристик его учредителей (членов), как отношения родства и (или) свойства, в отличие от действующего законодательного регулирования создания крестьянского (фермерского) хозяйства на основании соглашения лиц, состоящих в указанных кровно-родственных отношениях. Нельзя оставить без внимания такую особенность статуса крестьянского (фермерского) хозяйства, созданного в форме юридического лица, как субсидиарный характер ответственности его членов по обязательствам данного хозяйства, что следует оценивать как признак неполноправности данного субъекта в сравнении с иными участниками рыночных отношений. Данная характеристика наряду с императивным требованием об определенной сфере деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства, а именно производство и иная хозяйственная деятельность в области сельского хозяйства, свидетельствует об

ограниченной (целевой) правоспособности данного коммерческого юридического лица.

Таким образом, рассмотрев фундаментальные изменения в системе юридических лиц, имеющих в качестве цели извлечение прибыли и распределение ее среди участников согласно критерию коммерческого начала их деятельности, обратимся к тенденциям развития системы юридических лиц в части некоммерческих организаций.

Следует отметить существенное сокращение числа организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц, предусмотренных действующей редакцией Федерального закона «О некоммерческих организациях». Из числа предусмотренных действующим законодательством Проект сохранил следующие организационно-правовые формы некоммерческих юридических лиц: 1) потребительские кооперативы (п. 1 ст. 116.2), 2) общественные организации (п. 1 ст. 117), 3) религиозные организации (п. 1 ст. 120.1), 4) ассоциации и союзы (п. 1 ст. 117.4), 5) фонды (п. 1 ст. 118), 6) учреждения (п. 1 ст. 120, ст. 120.1, 120.2).

Выделяя критерии для систематизации отдельных организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц, следует обратиться к субъектному составу данных образований. Для потребительских кооперативов и общественных организаций действующая редакция ГК РФ и рассматриваемый Проект предусматривают однородный состав участников, являющихся гражданами РФ. В религиозных организациях, помимо граждан, допускается участие лиц без гражданства, граждан иностранных государств, объединяемых общим понятием «физическое лицо». Ассоциации, союзы и фонды допускают в качестве своих участников лиц, имеющих разный гражданско-правовой статус, — юридических и физических лиц, т. е. предполагают «смешанный» субъектный состав. Учреждение — сохранившая свое значение и содержание организационно-правовая форма в сравнении с действующей редакцией ГК РФ — допускает в качестве учредителя и собственника имущества данного юридического лица как физических и юридических лиц (для частных учреждений), так и особых субъектов отношений, регулируемых гражданским правом, — публично-правовых образований (для государственных и частных учреждений). Как с очевидностью следует из изложенного, субъектный состав участников некоммерческих юридических лиц не является единственным и достаточным критерием для их классификации. Сочетание с дополнительным и необходимым признаком (критерием) — целью создания и деятельности некоммерческого юридического лица — позволяет сис-

тематизировать и разделить указанные юридические лица на шесть организационно-правовых форм.

При этом в рамках обозначенных организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц намечается типовая дифференциация (деление на типы в рамках одной организационно-правовой формы) в зависимости от критериев, которые будут рассмотрены ниже.

Признаком, позволяющим классифицировать организации, является цель их создания; законодатель планирует разделить такие цели на удовлетворение духовных и иных нематериальных потребностей, представление и защиту общих интересов, достижение иных не противоречащих закону целей — для общественных организаций (п. 1 ст. 117 Проекта) и совместное вероисповедание, распространение веры — для религиозных организаций (п. 1 ст. 121 Проекта). В свою очередь, религиозные организации в зависимости от территориальной сферы своей деятельности, цели создания, числа участников и их статуса делятся на местные религиозные организации, централизованные религиозные организации, а также руководящий либо координирующий орган или учреждение.

В приведенной классификации религиозных организаций Проект соответствует положениям Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», согласно которому местную религиозную организацию учреждают не менее 10 участников — совершеннолетних физических лиц, постоянно проживающих в одной местности либо поселении; централизованную религиозную организацию создают не менее трех местных религиозных организаций; руководящий либо координирующий орган (учреждение) учреждает централизованная религиозная организация для целей осуществления координирующей функции либо функции по осуществлению профессионального религиозного образования (ст. 8 данного Федерального закона).

Следует отметить некоторую неопределенность Проекта в части указанной типовой дифференциации данных религиозных организаций, поскольку из буквального толкования п. 1 ст. 121 ГК РФ, предусматривающего такое деление в рамках одной организационно-правовой формы, затруднительно сделать однозначный вывод о необходимости указания в наименовании данных религиозных организаций на их типы. В свою очередь, указание в наименовании на типовую принадлежность религиозной организации позволит всем третьим лицам, включая потенциальных участников, выделять особенности ее гражданско-правового статуса, предусмотренные ст. 8 Федерального

закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и являющиеся критерием для деления организаций на три типа в рамках одной организационно-правовой формы данного некоммерческого юридического лица.

Говоря об общественных организациях, нельзя оставить без внимания отнесение авторами Проекта к данной организационно-правовой форме таких объединений граждан, как общины коренных малочисленных народов Российской Федерации (п. 1 ст. 6.1) и казачьи общества (п. 1 ст. 6.2). Если действующая редакция Федерального закона «О некоммерческих организациях» относит указанные самоорганизации лиц к числу самостоятельных организационно-правовых форм некоммерческого юридического лица, то редакция ГК РФ в целях законодательно-нормативной экономии предлагает исключить данные виды юридического лица из закрытого перечня организационно-правовых форм и рассматривать их как типовые разновидности в рамках формы «общественная организация» наряду с политическими партиями¹, профсоюзами, общественными движениями, органами общественной самодеятельности и общественного самоуправления. Во-первых, следует признать такой подход оправданным, поскольку цели общины коренных малочисленных народов Российской Федерации и казачьего общества даже с учетом специфики их субъектного состава могут быть достигнуты с использованием такой организационно-правовой формы, как общественная организация. Во-вторых, заслуживает положительной оценки намерение законодателя внести определенность в отношении организационно-правовой формы и, соответственно, статуса иных указанных объединений граждан (партий, профсоюзов, общественных движений и т. д.), поскольку в настоящее время участникам данных объединений предоставлен широкий выбор организационно-правовых форм некоммерческих организаций (например, для политической партии — общественная организация, частное учреждение, некоммерческое партнерство), вследствие чего при наличии одинаковой общественной цели создаются разные юридические лица, которые обладают разным гражданско-правовым статусом и разным объемом, содержанием правоспособности.

Таким образом, действующее законодательство не определяет конкретную организационно-правовую форму некоммерческого юридического лица для политических партий, профсоюзов, общественных движений, органов общественной самодеятельности и органов терри-

¹ См. п. 1 ст. 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях».

ториального общественного самоуправления. Более того, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в ст. 27 всего лишь указывает на возможность придания территориальному общественному самоуправлению статуса юридического лица — некоммерческой организации, при том что Федеральный закон «О некоммерческих организациях» предусматривает не менее 10 самостоятельных организационно-правовых форм в рамках понятия «некоммерческая организация», которое в настоящее время является общим применительно к категории «некоммерческое юридическое лицо».

Планируемые изменения в ГК РФ исходят из объединения всех рассматриваемых образований под единой и отдельной от иных видов некоммерческих юридических лиц организационно-правовой формой общественной организации на основании таких общих для них признаков, как: 1) общественная природа данных объединений; 2) субъектный состав данных объединений, который представляет собой граждан РФ, как следует из определений, данных в п. 1 ст. 3 Федерального закона «О политических партиях», п. 1 ст. 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», п. 1 ст. 9 Федерального закона «Об общественных объединениях», п. 1 ст. 27 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В свою очередь, критерием, позволяющим в рамках одной организационно-правовой формы общественной организации осуществить типовую дифференциацию (деление на типы общественных организаций), выступают конкретные цели создания и деятельности данных организаций: для политической партии это участие в политической жизни общества посредством формирования и выражения политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления, для казачьих обществ — возрождение российского казачества, защита его прав, сохранение традиционного образа жизни, хозяйствования и культуры российского казачества, для общины коренных малочисленных народов Российской Федерации — защита исконной среды обитания коренных малочисленных народов Российской Федерации, сохранение и развитие традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры, для профсоюзов — представительство и защита социально-трудовых прав и интересов граждан, для общественных движений — социальные, политические и иные общественно-

полезные цели, для органа общественной самодеятельности — совместное решение различных социальных проблем, для органа общественного территориального самоуправления — осуществление инициатив по вопросам местного значения для территории поселения граждан.

В качестве дополнительного, не всегда имеющего место критерия для классификации типов общественной организации наряду с выделенной целевой направленностью следует признать характеристики граждан, позволяющие объединять их в ту или иную общественную организацию. Для общины коренных малочисленных народов Российской Федерации такой характеристикой выступает отнесение граждан к коренным малочисленным народам и объединение по кровно-родственному и территориально-соседскому принципам, для казачьего общества — принятие гражданами на себя обязательств по несению государственной или иной службы, для профсоюзов — связанность объединяющихся граждан общими производственными и профессиональными интересами по роду их деятельности, для органа общественной самодеятельности — связанность граждан местом жительства, работы или учебы.

Как было отмечено ранее, не только применительно к рассмотренным объединениям граждан, но и в рамках иных видов (форм) некоммерческих юридических лиц планируется определенное уточнение со стороны законодателя по их типовой дифференциации в рамках одной организационно-правовой формы. А именно в качестве типов потребительского кооператива, который Проект сохраняет в качестве самостоятельной организационно-правовой формы юридического лица наряду с жилищными, жилищно-строительными, дачными, дачно-строительными, гаражными, кредитными и сельскохозяйственными кооперативами (общества взаимного кредита)¹, которые действующее законодательство называет потребительскими кооперативами непосредственно в нормах соответствующих законов², он указывает

¹ Следует отметить, что Федеральному закону от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» неизвестно понятие «общество взаимного кредита», которое Проект использует в качестве альтернативного названия кредитного кооператива. Данное несоответствие дает основание полагать, что изменение ГК РФ повлечет соответствующие корректировки положений названного Федерального закона, что, свою очередь, позволит прояснить соотношение указанного общества с кредитным кооперативом.

² См. п. 1 ст. 110 Жилищного кодекса РФ, ст. 1, п. 1 ст. 4 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан», п. 1 ст. 51 Закона СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-ХІ «О кооперации в СССР», п. 4 ст. 218 ГК РФ, п. 3 ст. 1 Федерального закона от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации», п. 1 ст. 4 Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации».

также товарищества собственников жилья, садоводческие, садово-огороднические, дачные объединения граждан, общества взаимного страхования и фонды проката. Статус последних объединений лиц, если говорить об организационно-правовой форме данных некоммерческих юридических лиц, прямо не определен в специальных источниках нормативного регулирования либо требует соответствующей законодательной корректировки.

В частности, Жилищный кодекс РФ в ст. 35 определяет товарищество собственников жилья как некоммерческую организацию, не называя ее возможную организационно-правовую форму. Аналогичный подход законодателя представлен в ст. 968 ГК РФ применительно к обществу взаимного страхования. При этом следует отметить неоправданно, на наш взгляд, предоставленную законодателем возможность использования при создании дачных объединений граждан, предусмотренных Федеральным законом «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан», организационно-правовых форм потребительского кооператива, товарищества и некоммерческого партнерства. Такой же негативной оценке следует подвергнуть указание в ст. 11 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» на то, что «садоводы, огородники и дачники вправе создавать... фонды проката и иные фонды в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации», при том что ГК РФ в действующей на момент написания настоящей публикации редакции не регулирует порядок создания юридического лица в данной организационно-правовой форме. Следует отметить, что авторы концептуальных изменений ГК РФ в сравнении с указанным подходом законодателя к пониманию статуса рассматриваемых объединений граждан иначе оценивают цели их создания, что позволяет им изменить предусмотренную действующим законом организационно-правовую форму фонда для садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений на организационно-правовую форму потребительского кооператива.

Проведенный анализ нормативного определения товариществ собственников жилья, садоводческих, садово-огороднических, дачных объединений граждан, общества взаимного страхования и фондов проката, демонстрирующий непоследовательность в применении законодателем организационно-правовых форм к данным объединениям граждан, позволяет положительно оценить намеченную разработчиками изменений ГК РФ определенность в данном вопросе по-

средством отнесения указанных юридических лиц к организационно-правовой форме потребительского кооператива.

Возвращаясь к вопросу о классификации и ее критериях применительно к кооперативам и их типовой дифференциации в свете Проекта, следует выделить общие критерии для отделения потребительских кооперативов от иных видов организационно-правовых форм некоммерческого юридического лица и объединения под ним отдельных типов образований в силу общности какого-либо признака. Таким критерием является, безусловно, цель создания потребительского кооператива, которая направлена на удовлетворение личных (бытовых, жилищных) потребностей граждан, а не на достижение общественно-полезных целей, что, например, имеет место при создании общественных организаций. Из данной цели следует второй объединяющий критерий — субъектный состав, который требует участия в потребительских кооперативах именно граждан как субъектов, имеющих соответствующие потребности личного масштаба. В порядке исключения ст. 116² ГК РФ, согласно проекту его изменений, допускает возможность установления законом ограниченного участия юридического лица в жилищных и жилищно-строительных, сельскохозяйственных потребительских кооперативах и в обществах взаимного страхования. В частности, под критерий единообразия в субъектном составе также не подпадает такая разновидность (тип) потребительского кооператива, как товарищество собственников жилья, поскольку согласно п. 1 ст. 135 Жилищного кодекса РФ данное юридическое лицо учреждается собственниками помещений в многоквартирном доме, которыми наряду с физическими лицами (включая граждан иностранных государств) могут выступать юридические лица (например, собственники нежилых помещений на первых этажах в многоквартирном доме либо юридическое лицо — работодатель, приобретающее квартиру для целей обеспечения жильем командированных работников). Различия в содержании личных потребностей (управление жилым домом, занятие садоводством и ведение иного хозяйства, финансовые потребности и т. д.) неизбежно влекут и определяют деление потребительских кооперативов на соответствующие типы.

Оценивая изменения системы некоммерческих юридических лиц в части классификации типов ассоциаций и союзов, следует отметить, что авторы Проекта сочли неоправданным сохранение самостоятельного значения организационно-правовой формы некоммерческого партнерства, в связи с чем данное юридическое лицо будет признаваться типовой разновидностью ассоциации (союза).

Как и применительно к выделению отдельных типов юридических лиц в рамках организационно-правовых форм потребительского кооператива, общественной организации, религиозной организации, Проект предусматривает дифференциацию видов (типов) объединений в рамках одной формы ассоциации (союза). Но прежде чем дать им оценку, отметим, что основным критерием для выделения рассматриваемой организационно-правовой формы из числа иных видов юридических лиц является учреждение ее в преимущественной части сложными субъектами — юридическими лицами, что позволяет Проекту в п. 1 ст. 121 определять ассоциацию (союз) посредством понятия «объединения лиц». Например, объединения кооперативов и общественных организаций, объединения профсоюзов, являющихся самостоятельными юридическими лицами, которые согласно планируемым изменениям гражданского законодательства будут создаваться в форме общественной организации.

Является очевидной тенденция в изменении субъектного состава ассоциации (союза), поскольку если действующий Федеральный закон «О некоммерческих организациях» в п. 1 ст. 11 и ГК РФ в п. 1 ст. 121 называют в качестве учредителей данных юридических лиц коммерческие организации, объединяющиеся для координации их предпринимательской деятельности, то Проект в п. 1 ст. 117.4 предусматривает возможность участия в ассоциациях (союзах) коммерческих и некоммерческих юридических лиц, а также граждан. Отсюда следует, что субъектный критерий не является достаточным для обособления рассматриваемой организационно-правовой формы юридического лица. В свою очередь в качестве оснований для типовой классификации союзов (фондов) следует применять следующие критерии:

— статусные характеристики объединяющихся в ассоциацию (союз) лиц (например, обязательность членства в ассоциации для нотариусов в нотариальных палатах¹ и адвокатов в адвокатских палатах², специалистов конкретной отрасли и (или) сферы деятельности в саморегулируемых организациях³);

— общность профессиональных интересов (например, объединения оценщиков, аудиторов и т. д.);

¹ См. ч. 1 ст. 24 Основ законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1.

² См. п. 1 ст. 29 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

³ См. ст. 5 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях».

— цель объединения лиц, заключающаяся в представлении совместных интересов и (или) защите прав (например, представление интересов в отношениях с профсоюзами и органами государственной, муниципальной власти¹);

— цель объединения лиц, заключающаяся в координации их предпринимательской и иной деятельности (например, координация предпринимательской деятельности для членов торгово-промышленной палаты² либо координация общественно значимой и однородной деятельности для объединения профсоюзов³ и объединения в кооперативы).

В данном аспекте следует оценить ассоциации (союзы) как наименее выдержанную организационно-правовую форму в сравнении с иными видами некоммерческих организаций по числу и содержанию критериев для классификации типов. Некоторые из ассоциаций (союзов) некорректно формально относить к единой организационно-правовой форме, поскольку ни один из вышеперечисленных и предполагаемых в качестве общих признаков (критериев) к ним не применим. Например, объединение работодателей (индивидуальных предпринимателей и юридических лиц), для которых характерны общие признаки «сильной» стороны трудового договора и единая цель — представительство однородных интересов в отношениях с профсоюзами, органами власти⁴, а для противопоставления — нотариальная палата, которая предполагает объединение лиц по признаку общности их профессиональных интересов.

Следует сделать вывод о сохранении в Проекте правового значения и содержания фонда как самостоятельной организационно-правовой формы юридического лица. К его разновидности планируется отнесение автономной некоммерческой организации, которая утрачивает самостоятельное значение в числе видов некоммерческих юридических лиц. Цели создания автономной некоммерческой организации, определенные в п. 1 ст. 10 действующего Федерального закона «О некоммерческих организациях» как предоставление услуг в сфере образования, здравоохранения, культуры, науки и иных сферах, в полной мере соответствуют целям фонда, которые согласно п. 1 ст. 118 Проекта имеют социальное, культурное, образовательное и

¹ См. п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 ноября 2002 г. № 156-ФЗ «Об объединениях работодателей».

² См. п. 1 ст. 1 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации».

³ См. ст. 3 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности».

⁴ См. ч. 3 ст. 33 Трудового кодекса РФ.

иное общественно-полезное содержание. Безусловно, объем правоспособности автономной некоммерческой организации, ограниченный целями достижения социальных и иных общественно-полезных результатов, по своему содержанию несколько уже тех целей и направлений деятельности, для которых может быть создан фонд. Тем не менее мы полагаем приемлемым дополнение ограниченной правоспособности юридического лица, создаваемого на текущий момент в организационно-правовой форме автономной организации, способностью участвовать в реализации и иных общественно значимых целей, помимо оказания услуг в соответствующей сфере деятельности. Нельзя оставить без должного внимания то обстоятельство, что рассматриваемые изменения ГК РФ не предусматривают отказ от данного вида юридического лица, хотя и исключают его в качестве самостоятельной формы, несмотря на оценку в научной литературе автономной организации как юридического лица, не обладающего в полной мере признаками данного субъекта права в силу неспособности отвечать по своим обязательствам всем обособленным имуществом, так как недвижимое и особо ценное имущество данного учреждения освобождается от взыскания кредиторов¹.

Аналогичный изложенному подход авторов изменений ГК РФ прослеживается применительно к учреждению, выделить которое из числа иных организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц позволяет такая особенность, как возможность его учреждения единственным лицом частного либо публичного характера. Планируется дифференциация применительно к учреждениям в зависимости от статуса учредителя на частные учреждения, создаваемые физическими и юридическими лицами, и государственные и муниципальные учреждения, учредителями которых выступают соответствующие публично-правовые образования (п. 2 ст. 120 Проекта).

Из числа организационно-правовых форм некоммерческих юридических лиц, от которых Проект предлагает законодателю отказаться ввиду спорной природы их права на передаваемое учредителем имущество и особого порядка их создания, что влечет своего рода отступления от статусных признаков юридического лица как самостоятельного субъекта гражданских правоотношений, следует назвать государственные корпорации и государственные компании. Особенности правового статуса субъектов, создаваемых в данных организационно-правовых формах, повлекли неоднозначную и преимущест-

¹ См.: Серова О. Е. Конструкция юридического лица в системе эволюционных изменений организационно-правовых форм предпринимательской деятельности. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

венно отрицательную оценку в научной литературе и публицистике, что дало авторам Концепции основание усомниться в целесообразности их существования¹. Действительно, организация деятельности государственной корпорации не предполагает членство как необходимый критерий для квалификации образования в качестве корпорации, что свидетельствует о несоответствии наименования данного юридического лица его организационному содержанию. Далее, нормы законодательства, определяющие статус данной некоммерческой организации, содержат множество исключений из общего понимания доктриной термина «юридическое лицо» (например, отсутствие учредительных документов, отсутствие обязанности предоставлять в уполномоченный орган отчет об использовании имущества, многочисленные изъятия из сферы налогового контроля, неприменимость общих норм о создании юридического лица и его ликвидации в порядке процедуры банкротства). Помимо указанных особенностей государственных корпораций, которые можно оценивать как свидетельство нарушения конституционного принципа равенства всех лиц перед законом и предпосылки создания преимуществ правового режима для государственных корпораций в сравнении с иными юридическими лицами, негативную профессиональную оценку в научной публицистике получила правовая возможность передачи из государственной собственности в частную имущества при создании государственной корпорации² и ее дальнейшей деятельности согласно соответствующему федеральному закону о данной корпорации в обход закона о приватизации³.

Учитывая изложенное и принимая во внимание то обстоятельство, что государственные корпорации и государственные компании хотя и наделяются статусом некоммерческих юридических лиц, но фактически осуществляют предпринимательскую деятельность, преследуют исключительно коммерческие цели и являются формой вовлечения в деловой оборот государственного имущества, считаем достижением и положительно оцениваем намерение законодателя отказаться от возможности создания юридических лиц в организационно-правовой форме государственных корпораций и государственных компаний в

¹ Особенностью государственной компании в сравнении с государственной корпорацией является цель ее создания Российской Федерацией, которая заключается в оказании государственных услуг и выполнении иных функций с использованием государственного имущества на основании доверительного управления (ч. 1 ст. 7² Федерального закона «О некоммерческих организациях»).

² См. п. 1 ст. 7¹ Федерального закона «О некоммерческих организациях».

³ См.: Гутников О. В. Оптимизация видов юридических лиц в соответствии с потребностями гражданского оборота // Журнал российского права. 2001. № 1.

частности и отказаться от практики принятия отдельных законов об отдельных юридических лицах в целом.

Таким образом, по итогам проведенного анализа всех организационно-правовых форм юридических лиц, которые планируется сохранить, дифференцировав их типовые возможности согласно выделенным критериям, мы переходим к правовой оценке нового критерия для классификации всех юридических лиц вне зависимости от их деления на коммерческие и некоммерческие. Речь идет о новом критерии, который планируется применять к юридическим лицам всех организационно-правовых форм и который имеет самостоятельное значение наряду с критерием цели создания (осуществление предпринимательской деятельности либо общественно-полезной деятельности) и возможности распределения прибыли среди участников юридического лица.

Мы предлагаем обозначить данный критерий как внутреннюю организацию юридического лица на корпоративных либо унитарных началах. Исходя из этого критерия все рассматриваемые субъекты права будут квалифицироваться как корпоративные (корпорации) и унитарные юридические лица. Содержанием данного критерия является возможность участия учредителей (участников) юридического лица в его внутренней деятельности, направленной на формирование воли данного субъекта права. Поскольку организационная структура юридического лица корпоративного характера предполагает членство участников, Концепция определяет корпорации в качестве юридических лиц, основанных на началах членства их участников.

Исходя из изложенного критерия, к числу корпоративных из числа коммерческих юридических лиц относятся хозяйственные товарищества (полное товарищество и товарищество на вере), хозяйственные общества (акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью), хозяйственное партнерство, крестьянское (фермерское) хозяйство¹, производственные кооперативы, из числа некоммерческих — потребительские кооперативы, общественные организации, ассоциации и союзы. Унитарными организациями коммерческого характера Проект называет государственные и муниципальные унитарные предприятия, некоммерческими унитарными организациями — фонды, учреждения, религиозные организации (п. 1 ст. 65.1).

¹ Следует отметить, что Проект в п. 1 ст. 65 не называет в числе корпоративных юридических лиц хозяйственное партнерство и крестьянское (фермерское) хозяйство, что мы оцениваем как упущение технического характера. Из определений данных юридических лиц, содержащихся в Проекте, с очевидностью следует вывод об участии членов данных юридических лиц в управлении данными субъектами, что подтверждает корпоративную природу отношений в рамках организационной структуры хозяйственных партнерств и крестьянских (фермерских) хозяйств.

Следует отметить, что рассматриваемый подход к определению критерия в целях систематизации юридических лиц России в полной мере соответствует мировой практике, которой известно понятие «корпорация» на уровне представителей как англосаксонской, так и континентальной систем права. При этом следует отметить некоторое различие в понимании корпоративного начала в рамках названных правовых систем. В странах общего права под ним понимается целостность образования и его возможность выступать участником правоотношений, что позволяет выделять публичные, полупубличные, непредпринимательские и предпринимательские корпорации, а в странах континентального права понятие «корпорация» значительно шире и включает в себя различные виды предпринимательских организаций и объединения предпринимателей¹.

Мы оцениваем понятие «корпоративность» как производное от слова «корпорация», планируемое к применению в российской системе юридических лиц в свете реформы гражданского законодательства в значении, которое оно имело при возникновении данного института в российском праве. Мы имеем в виду доктрину дореволюционного законодательства, которая также предполагала деление юридических лиц на объединения лиц (корпорации) и учреждения². Г. Ф. Шершеневич отмечал, что «юридическое лицо играет роль “скобок”, в которые заключаются однородные интересы группы лиц, для более упрощенного определения отношений этой коллективной личности к другим»³. Современный подход доктрины и, как следствие, реформирование гражданского законодательства о юридических лицах соответствуют приведенному пониманию корпорации начала XX в. Однако мы видим определенное сходство в современном делении российских юридических лиц на корпоративные и унитарные с аналогичным подходом в английском праве, которое также дифференцирует все юридические лица, в том числе некоммерческого формата, на корпорации как совокупность лиц (corporation aggregate) и единоличные компании (corporation sole)⁴.

Возвращаясь к вопросу о целесообразности введения рассматриваемого признака «корпоративности» в качестве основания для классификации юридических лиц, мы не можем оставить без внимания и

¹ См.: Шиткина И. С. Корпоративное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995.

⁴ См.: Шиткина И. С. Корпоративное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

иное значение данного критерия. Его введение, помимо цели упорядочения системы юридических лиц, во многом объясняется с точки зрения законодательной техники, поскольку позволяет создать и объединить в ГК РФ группы норм, которые будут общими и применимыми к соответствующей категории юридических лиц (корпоративных либо унитарных). Данные нормы определяют особенности статуса, т. е. содержания прав и обязанностей, не только самих корпораций, но и их участников. Это имеет особую актуальность применительно к корпорациям, предполагающим множественность участников и особый характер внутрикорпоративных отношений, субъектами которых они выступают. В частности, общие положения ГК РФ о корпорациях будут включать нормы, предусматривающие регулирование прав и обязанностей членов корпорации, т. е. порядок их осуществления и защиты. Например, право на участие в управлении делами корпорации, на получение информации о ее деятельности и имущественном положении, такие способы защиты права, как оспаривание в судебном порядке решений, принимаемых органами управления корпорации, оспаривание исключения из корпорации и т. д.

Таким образом, не давая оценку совершенства нового критерия для разграничения отдельных субъектов в рамках системы юридических лиц, считаем оправданным его применение с точки зрения соответствия мировым тенденциям в правовом регулировании юридических лиц как субъектов гражданского права, а также с позиции законодательной экономии, позволяющей кодифицировать в нормах ГК РФ положения об особенностях осуществления и защиты прав участников юридических лиц, разрозненно представленных в настоящее время в отдельных специальных законах о юридических лицах отдельных организационно-правовых форм.

Подводя итог проведенному исследованию, оцениваем в качестве прогрессивных изменения в системе юридических лиц в процессе реформирования гражданского законодательства на основании Концепции. Сокращение числа организационно-правовых форм юридических лиц, не соответствующих условиям делового оборота и не востребованных на практике в качестве способа организации и осуществления той или иной деятельности, упорядочение существующих организационно-правовых форм, введение дополнительных критериев для разделения юридических лиц и уточнение в рамках одной организационно-правовой формы типовой дифференциации юридических лиц свидетельствуют о прогрессивной динамике развития системы юридических лиц России в частности и института юридического лица в целом.